

A woman in a blue and gold armored suit with a long braid, looking out over a sunset landscape.

Эхо золотой крови

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев
Эхо золотой крови

«Автор»

2026

Патрушев С.

Эхо золотой крови / С. Патрушев — «Автор», 2026

В день своего двадцатилетия Лиара, простая лучница пограничного клана, теряет сознание во время ритуальной охоты - её кровь внезапно начинает светиться золотом, прожигая траву и камень. Старейшины в ужасе: древняя кровь Золотого народа, молчавшая тысячу лет, пробудилась в обычной девушке. Вместе с ней просыпается дар - способность видеть будущее на несколько секунд вперёд, предугадывать удары, траектории стрел и чужие намерения. Дар - это ещё и проклятие. Империя узнаёт о наследнице и начинает охоту: её кровь нужна, чтобы создать эликсир абсолютной власти, дарующий контроль над самой тканью реальности. Лиара проходит через плен, предательство, потерю родного клана и подземную лабораторию, где из неё день за днём выкачивают кровь. Единственный шанс - принять свою судьбу и сразиться с теми, кто хочет использовать её дар во зло.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Двадцатая весна	5
Глава 2. За секунду до стрелы	23
Глава 3. Танец клинков	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Патрушев

Эхо золотой крови

Глава 1. Двадцатая весна

Ветер, прилетевший с восточных отрогов Ярого Хребта, пах талым снегом, прелой прошлогодней хвоей и чем-то неуловимо тревожным — тем особым запахом пробуждающейся земли, который всегда предшествует настоящей весне, но в котором опытный нос легко улавливает нотки гнили, запоздалых заморозков и звериной тоски. Солнцестояние миновало уже две полных седмицы, отмерив свой срок по древним каменным кругам, что стояли на Лысой плеши выше границы леса, однако в здешних предгорьях, где отвесные скалы даже в разгар лета хранили в своих трещинах слежавшийся, почерневший лёд, весна всегда задерживалась, медлила, будто невеста, которая боится переступить порог чужого дома. Она цеплялась ледяными когтями за каждую расщелину, выла по ночам голодной волчицей и не желала уступать законное место теплу, свету и молодой зелени. Но сегодня, в день её, Лиары, двадцатой весны, солнце каким-то чудом всё же пробило плотную пелену утреннего тумана, и весь лес вокруг внезапно зазвенел, запел, заискрился миллионами хрустальных капель, срывавшихся с отяжелевших ветвей, — будто сама природа, извечная и равнодушная ко всем людским праздникам, на этот раз решила сделать ей персональный, особенный, ни на что не похожий подарок.

Лиара медленно, очень медленно, как учил отец ещё в те далёкие времена, когда она едва доставала макушкой до его колена, натянула тетиву, чувствуя, как знакомая, почти родная дрожь перетекает от напряжённой кисти через запястье, локоть, плечо и дальше, куда-то в глубину тела, в самый центр существа, туда, где, по поверьям Пограничного клана, обитала охотничья душа — не та, что уходит после смерти к Праотцам, а та, что дана человеку от зверя и что умирает вместе с телом. Лук, собственноручно вырезанный ею три года назад из цельного ребра древнего ясеня, погибшего от удара молнии на Кукушкином утёсе, тихо, едва слышно пел под пальцами — он всегда начинал петь перед хорошим, верным выстрелом, и эта странная музыка, похожая на далёкий звон комариной стаи, была вернейшей приметой того, что стрела не пролетит мимо. Девушка прищурилась, по-кошачьи сузив зрачки, и поймала в крошечной прорези костяного прицела, примотанного к луку сухожилиями, бок огромного, невиданно красивого серебристого оленя. Зверь стоял в полусотне шагов от неё, на залитой солнцем крохотной прогалине, и, ничего не подозревая, не чуя смертельной опасности, безмятежно обгладывал молодые, клейкие, ещё не до конца распустившиеся побеги с раскидистого куста дикого боярышника. Его рога, пока ещё мягкие, налитые кровью, покрытые нежным сероватым бархатом, ловили косые лучи восходящего солнца и сами, казалось, светились изнутри — два ветвистых, переливающихся перламутром светильника, венчавших гордую голову лесного великана.

«Двадцать лет — двадцать шагов до зверя, — мысленно усмехнулась Лиара, и тень этой усмешки даже не скользнула по её лицу, осталась внутри, в тайном убежище души, куда не проникали чужие взгляды. — Символично выходит, ничего не скажешь. Как в старой байке про героя, который в день совершеннолетия добыл Золотого Тура. Только у меня не тур, а олень, и я не герой, а простая лучница с окраины».

Она задержала дыхание, чувствуя, как сердце внутри груди послушно замедляет свой бег, подстраиваясь под неслышимый, но властный ритм пробуждающегося леса. Этой хитрой, почти недоступной для обычного человека науке её долго и терпеливо, год за годом, зиму за зимой, обучал отец — огромный, вечно пахнущий углем и раскалённым железом кузнец, который до того, как встать к наковальне, был лучшим следопытом во всём Северном пределе. «Стань пустотой, дочка, — говорил он, и его низкий, грудной голос, похожий на гул далёкого горного обвала, разносился по кузнице, перекрывая даже звон молота. — Стань совершенной, идеальной пустотой между вдохом и выдохом, замри, как вода замерзает в лютый мороз — мгновенно и беззвучно. Тогда зверь тебя не почует, не учует, не услышит биения твоего сердца, потому что для него ты станешь частью леса, таким же деревом, таким же камнем, таким же пнём, поросшим мхом. И тогда стрела найдёт путь сама, потому что ей не мешает дрожь человеческой руки, вечно спешащей, вечно боящейся промахнуться».

Серебристый олень вдруг повернул голову — плавно, величественно, будто король, оглядывающий свои владения, — и в его огромном, влажном, бездонно-тёмном глазу на одно короткое, как удар сердца, мгновение отразилось восходящее солнце, крохотным золотым осколком застряв в самой глубине зрачка. Лиара отпустила тетиву — не дёрнула, не рванула, а именно отпустила, позволила ей соскользнуть с пальцев, как вода соскальзывает с внешнего льда. Певучая тетива из кручёных кишок горного козла пропела свою короткую, но удивительно мелодичную песню — звук, похожий на вздох арфы, которую Лиара однажды видела у заезжего барда на осенней ярмарке, — и стрела, оперённая перьями чёрного дятла, молнией ушла в цель. Она вонзилась точно в сердце, туда, где под серебристой шкурой, под слоем плотного, тёплого жира, под сплетением крутых, мощных мышц бился главный источник жизни зверя. Олень рухнул мгновенно, без единого звука, без хрипа, без судорожного взбрыкивания копытами, — рухнул, будто подкошенный невидимой косой, даже не поняв, что умер, не успев испугаться, не успев ощутить боль. Чистая, праведная, уважительная смерть — именно такая, какой испокон веков учили в Пограничном клане все отцы своих сыновей и все матери своих дочерей. Без мук, без страдания, без долгой агонии, без предсмертного ужаса, застывающего в остекленевших глазах. Дар леса, принятый с благодарностью и смиренным поклоном, — и дар этот сегодня был особенно щедр.

Из-за густого елового подлеска, с той стороны, где старые, замшелые стволы смыкались в почти непроходимую стену, послышались громкие, полные искреннего восторга одобрительные возгласы. Они вспугнули стайку дроздов, с шумом сорвавшихся с ветвей и чёрной тучей улетевших прочь, в глубину чащи. Первым на поляну, ломая хрупкий весенний наст и разбрызгивая в стороны грязный, перемешанный с прошлогодней листвой снег, выбежал Ратмир — её бессменный напарник по всем вылазкам, друг детства, верный товарищ, с которым они вместе росли, вместе учились стрелять, вместе попали в свою первую передрягу и вместе из неё выбирались, вечно взлохмаченный, с вечной, никогда не сходящей с обветренного, обожжённого морозами лица мальчишеской ухмылкой. Его русые, вечно спутанные, напоминающие воронье гнездо волосы торчали во все стороны из-под потёртой кожаной шапки, а на щеках, там, где у нормальных людей растёт борода, пробивался смешной светлый пух, который он упорно называл «мужским украшением».

— Ай да именинница! — закричал он во всю мощь своих лёгких, размахивая над головой собственным луком — более грубым, вырезанным из простого вяза, но оттого не менее смертоносным. Голос его, звонкий и радостный, эхом прокатился по всему распадку и утонул где-то в далёких, ещё заснеженных вершинах. — Двадцатый год пошёл, а глаз уже как у матёрой

волчицы, честное слово! Ты глянь, глянь, стрела-то как вошла — ни на палец не промахнулась! Старшой, а, Старшой, ты видал такое? Где это видано, чтобы девка в двадцать так была?

Из-за толстенного, в три обхвата, ствола вековой сосны, чья кора была иссечена медвежьими когтями и источала густой, тягучий, янтарный запах живицы, неторопливо, с достоинством, приличествующим его возрасту и положению, вышел Яромир — глава охотничьего отряда, старший над всеми ловчими и следопытами, человек, чьё слово в вопросах охоты значило больше, чем слово самого Старейшины. Он был стар, немыслимо, почти неприлично стар по меркам Пограничного клана, где мужчины редко доживали до сорока, а женщины до тридцати пяти, — ему перевалило далеко за пятьдесят зим, и каждая из этих зим оставила на его лице и теле свой неизгладимый след. Чудовищный, устрашающий шрам, тянувшийся через всё лицо наискосок — от левого виска, через переносицу, до правого угла нижней челюсти, — делал его улыбку навсегда кривой, однобокой, будто перекошенной какой-то внутренней судорогой. Глаза его, некогда, по рассказам старух, ярко-голубые, как весеннее небо, теперь были вечно, по-стариковски прищурены и напоминали две выцветшие, полинявшие тряпицы. Но сейчас, глядя на тушу оленя, а потом на Лиару, он не улыбался — наоборот, его лицо хранило странное, непривычное, почти пугающее выражение сосредоточенной, глубокой задумчивости, словно он увидел нечто такое, что не укладывалось в его картину мира.

— Видал, — коротко, почти сухо бросил Яромир, и голос его, низкий и хрипловатый от многолетнего курения трубки, прозвучал как-то глухо, без обычной отеческой теплоты. Он опёрся на свой посох, вырезанный из морёного дуба, и долго, внимательно, изучающе смотрел на оленя, будто видел этого зверя впервые в жизни. — Добрый выстрел, спору нет. Дюже добрый. Но ритуал ещё не завершён. А незавершённый ритуал — это хуже, чем никакой. Сама знаешь.

Лиара кивнула, пряча радость поглубже, в тот самый тайный уголок души, куда не проникали ни чужие взгляды, ни собственные сомнения. В Пограничном клане, с его суровыми нравами и вечной близостью смерти, не принято было хвастаться, распускать перья и бить себя пяткой в грудь. Здесь высшей похвалой считалось молчание, высшей наградой — отсутствие порицания, а единственной дозволенной гордостью — гордость за выполненный долг, тихая, скупая, почти незаметная. Уже двести лет — так гласили предания, записанные в замшелых летописях, — их род охранял перевалы Ярого Хребта, день за днём, ночь за ночью, зиму за зимой сдерживая натиск нечисти, что временами, особенно в пору осеннего равноденствия, выползала из глубоких, уходящих, по слухам, в самое сердце земли пещер. За эту службу, за эту вечную войну, за кровь, пролитую на камни, окрестные кланы платили им ежегодную дань зерном, железом, тканями и солью, а старейшины большого мира, сидевшие в тёплых теремах далёких городов, предпочитали не вмешиваться в их дела, делая вид, что Пограничный клан — всего лишь легенда, страшилка для непослушных детей. Пограничники жили сами по себе, по древним, жестоким, но справедливым законам, которые наизусть помнила только одна живая душа во всём поселении — старая ведунья Мирослава, чей возраст не мог назвать никто и чьё слово было последним в любом споре.

Лиара подошла к туше оленя, чувствуя, как под мягкими, разношенными подошвами кожаных сапог хрустит, проминается и ломается тонкая корка утреннего наста. Опустилась на одно колено — правое, как требовал ритуал, — прямо в рыхлый, перемешанный с палой хвоей снег. Земля под мехом зверя уже пропитывалась кровью — густой, почти чёрной в зыбком, неуверенном утреннем свете, и от неё поднимался лёгкий, едва заметный парок, тут же таявший в холодном воздухе. Девушка вытащила из-за широкого, расшитого бережными знаками

пояса ритуальный нож с резной, отполированной до блеска костяной рукоятью. Такие ножи были обязаны иметь при себе все охотники клана — их делали из рёбер павших товарищей, из самой прочной, самой надёжной части скелета, чтобы сила умерших, их опыт, их ярость и их стойкость помогали живым в их нелёгком ремесле. Её собственный нож был особенный, не похожий на другие — он был сделан из ребра матери. Того самого ребра, что находилось прямо над сердцем. Так, во всяком случае, говорила Мирослава, когда вручала его восьмилетней Лиаре на посвящении в ученицы.

Она никогда не знала своей матери. Ни лица её не помнила, ни голоса не слышала, ни прикосновения не чувствовала — та умерла родами в ту же ночь, когда Лиара появилась на свет, истекла кровью на пропитанных травами простынях, оставив после себя лишь имя для дочери, этот самый нож да странное, загадочное, ни на что не похожее напутствие, переданное через ведунью и запомнившееся Лиаре на всю жизнь: «Огонь узнает своё. Когда срок выйдет — он проснётся и позовёт». Что означали эти слова, Лиара не понимала, как ни пыталась разгадать их смысл долгими зимними вечерами, сидя у печи и глядя на пляшущие языки пламени. Отец — когда бывал пьян, а бывал он пьян редко, только по большим праздникам, и тогда его обычно мрачное, замкнутое лицо разглаживалось, и он становился похож на того человека, каким, наверное, был в молодости, — рассказывал странные, путанные истории. Будто мать её была вовсе не из Пограничного клана, а пришла откуда-то с далёкого, ледяного севера, из-за цепи непроходимых Мёртвых болот. Пришла одна, пешком, зимой, в лютую стужу, беременная, в рваной одежде, но босая, и следы её босых ног не обжигал даже самый трескучий мороз. Пришла и попросила убежища. Родила под вой февральской метели, на рассвете, когда над горами встало необычное, какое-то розоватое солнце, а потом — исчезла. Просто ушла за кромку, в снежную пелену, и то ли умерла там, в одиночестве, то ли вернулась туда, откуда пришла, — никто не знал и знать не мог. Тело её, уже приготовленное к погребальному костру и обряженное по обычаю, таинственным образом исчезло из закрытого сарая на третью ночь, а на месте, где оно лежало, нашли горсть мелкого золотого песка, который светился в темноте. Ведунья тогда, по рассказам очевидцев, долго смотрела на этот песок, а потом высыпала его в огонь и сказала, ни к кому не обращаясь: «Не ищите. Не вашего ума это дело. И не моего тоже». И с тех пор — как отрезало. Никто не спрашивал, никто не вспоминал, будто и не было никогда никакой пришедшей женщины, родившей золотую девочку.

Лиара полоснула ножом по своему левому запястью — неглубоко, точно рассчитанным движением, как требовал ритуал. Острая, хорошо отточенная кость легко, почти безболезненно вошла под кожу, и тотчас же из пореза выступила кровь — тёмно-алая, густая, тёплая, — закапала на подтаявший снег, на пожухлую прошлогоднюю траву, смешиваясь с кровью убитого оленя. Таков был древний, нерушимый, как скалы Ярого Хребта, закон: охотник отдаёт часть своей собственной жизненной силы, часть своей крови лесу, чтобы лес, приняв эту жертву, и дальше давал свою, не оскудевал, не замыкался, не становился враждебным. Равновесие. Вечный, непреложный круговорот даров. Договор между людьми и той силой, что обитает под корнями деревьев и в кронах сосен. Договор, заключённый ещё Праотцами в те времена, когда и самого Пограничного клана не существовало.

— Прими дар, Мать-Сыра-Земля, — произнесла Лиара положенные слова, и голос её, обычно негромкий, сейчас звучал звонко и отчётливо, разносясь по притихшему лесу. — Прими кровь за кровь, жизнь за жизнь. Храни наш клан, храни наши границы, храни детей наших и стариков, храни зверя в лесу и рыбу в реке. Не оставь нас милостью своей, как и мы не оставляем тебя...

Договорить она не успела. Слова застряли в горле, будто кто-то сдавил его невидимой, но невероятно сильной рукой.

Первым странность заметил Ратмир — не зря его прозвали Волчонком за нечеловечески острый нюх и столь же острое зрение. Парень подался вперёд всем телом, шумно, по-звериному втянул носом холодный, пахнувший хвоей и кровью воздух, принялся, повёл головой из стороны в сторону — и вдруг замер, неестественно выпрямившись и побледнев так, что даже веснушки на его носу стали почти незаметны. Вся его обычная весёлость, всё мальчишеское бахвальство слетели с него в один миг, будто сдутые порывом ледяного ветра.

— Лиара, — тихо, очень тихо, почти шёпотом позвал он, и в его голосе, всегда звонком и бесшабашном, не было сейчас ни капли обычного веселья. Он звучал глухо, напряжённо, испуганно — так говорят люди, увидевшие нечто, чему нет названия в человеческом языке. — Лиара, посмотри на свою руку... Что у тебя с рукой? Почему она...

Девушка медленно, будто преодолевая сопротивление воды, опустила взгляд и застыла, ошолобенела, превратилась в соляной столб.

Кровь на запястье, её собственная кровь, только что бывшая совершенно обычной — тёмно-алой, почти чёрной, — светилась. Медленно, неуверенно, будто нехотя, словно просыпающийся после долгой зимы светляк, разгоралось изнутри странное, неестественное, пульсирующее золотое сияние. Оно было тёплым — она чувствовала это тепло кожей, оно проникало внутрь, растекалось по венам, поднималось к локтю, к плечу, — и шло будто бы не от крови вовсе, а из самой глубины жил, из костного мозга, оттуда, где, по древним поверьям, обитает жизненная искра. А там, где тяжёлые, светящиеся капли упали на жухлую траву и подтаявший снег, земля зашипела — сперва тихо, едва слышно, а потом всё громче и яростнее. Прошлогодний мох, бурый и сухой, мгновенно съёжился, почернел, скрутился в трубочку, и из-под него потянулась тонкая, извивающаяся струйка едкого, пахнущего палёным дымом. Капля упала на камень — и на камне осталась выжженная отметина, будто кто-то ткнул в него раскалённым гвоздём.

Лиара вскочила на ноги, выставив кровоточащую руку перед собой, как выставляют нечто чужеродное, опасное, не принадлежащее тебе. Ритуальный нож, выпав из ослабевших, онемевших пальцев, глухо стукнулся о мёрзлую землю и откатился в сторону, к самым корням старой ели. Кровь продолжала сочиться из пореза — медленно, капля за каплей, — но теперь каждая капля, срываясь с кончиков пальцев и падая вниз, прожигала в траве, во мху, в самом грунте аккуратное, идеально круглое отверстие с оплавленными краями, будто кто-то невидимый сыпал сверху раскалённые добела угли или лил расплавленное олово.

— Что за... — начала она, но собственный голос сорвался на полуслове, превратившись в хрип, в сдавленный, едва различимый шёпот.

Золотой свет усилился, разгораясь всё ярче и ярче, из тёплого становясь обжигающим. Он уже не просто мерцал — он пульсировал в такт учащённо бьющемуся сердцу, накатывал волнами, и каждый такой удар, каждый толчок крови отдавался тупой, распирающей болью где-то в висках, за глазами яблоками, в самой глубине черепа. Перед глазами у Лиары поплыли разноцветные круги — красные, золотые, чёрные, — они наползали друг на друга, сливались, расходились, и окружающий лес начал терять чёткие очертания, расплываться, дрожать, будто она смотрела на него сквозь толщу мутной, взбаламученной воды. Она услышала крики —

где-то далеко, на самом краю уплывающего сознания. Кажется, кричал Яромир, и в его голосе звучал древний, животный ужас. Кажется, он приказывал что-то делать — то ли бежать, то ли, наоборот, стоять на месте и не двигаться, — но слова не долетали, тонули, захлёбывались в нарастающем, заполняющем всё существо гуле, похожем на звон тысячи колоколов, бьющих одновременно.

А потом гул внезапно стих, оборвался на самой высокой ноте — и превратился в Голос.

Он был ни мужской, ни женский, ни детский, ни старческий. Он был никакой и одновременно всем сразу — в нём звучали все голоса, когда-либо звучавшие на земле, и все голоса, которые когда-либо зазвучат. Он шёл не снаружи, не из леса, не от кричащих товарищей — он шёл изнутри, из самой глубины крови, из костей, из того тайного места, где, как оказалось, дремала неведомая сила. Голос был древним — Лиара не могла объяснить, откуда она это знает, но она чувствовала его древность каждой клеточкой своего существа, чувствовала, что этот Голос звучал ещё тогда, когда горы Ярого Хребта были плоской равниной, а на месте лесов плескалось бескрайнее море.

«ДВАДЦАТЬ ЛЕТ. СРОК ВЫШЕЛ. ПЕЧАТЬ ИСТОНЧИЛАСЬ. ПРОСНИСЬ, НАСЛЕДНИЦА».

Лиара закричала. Этот крик вырвался из самой глубины её естества — дикий, первобытный, нечеловеческий крик, в котором смешались боль, ужас, ярость и что-то ещё, чему не было названия. Боль взорвалась в затылке ослепительной, всепоглощающей вспышкой света — белого, холодного, безжалостного, — и мир, ещё мгновение назад бывший таким привычным, надёжным и понятным, погас, свернулся в чёрную точку и исчез.

Очнулась она в доме ведуньи. Впрочем, назвать это строение домом можно было лишь с большой натяжкой — скорее это была целая изба-крепость, приземистая, широкая, вросшая в склон холма на самой окраине поселения, сложенная из почерневших от времени и непогоды вековых брёвен, таких толстых, что их не смог бы обхватить и трое взрослых мужчин. Стены её были густо увешаны пучками сухих трав — ромашки, зверобоя, тысячелистника, полыни, крапивы, — и от них исходил сложный, горьковато-сладкий, немного дурманящий запах, от которого кружилась голова и хотелось спать. В углу, на грубо сколоченном деревянном помосте, стояла огромная, никогда не остывающая печь, сложенная из дикого камня и обмазанная глиной, — её устье, похожее на разинутую пасть голодного зверя, изрыгало багровые отблески пламени, плясавшие на прокопчённом потолке.

Лиара лежала на широкой, жёсткой лавке, покрытой медвежьей шкурой — тяжёлой, косматой, всё ещё хранившей слабый, едва уловимый запах зверя, убитого много зим назад. Под головой у неё был туго набитый сеном мешок, заменявший подушку, а всё тело, от шеи до пят, было укутано в несколько слоёв грубого, но тёплого шерстяного одеяла, коловшего кожу даже сквозь тонкую льняную рубаху. Она лежала и смотрела, как в чёрном зеве печи пляшут, извиваются и переплетаются друг с другом языки пламени — жёлтые, оранжевые, синие, — и в этом бесконечном, завораживающем танце было что-то странно знакомое, что-то успокаивающее и тревожное одновременно. За крошечным, затянутым бычьим пузырьком оконцем было темно — то ли вечер того же дня, когда она упала без сознания, то ли уже вечер следующего дня, а может, и нескольких дней спустя. Лиара не знала и не чувствовала времени — оно словно остановилось внутри неё, замерло, как вода замерзает в лютый мороз.

Первое, что она почувствовала, когда сознание начало возвращаться, — запах. Густой, тяжёлый, обволакивающий запах, пропитавший весь воздух в избе до такой степени, что, казалось, его можно было резать ножом. Он был горьким, дымным, с явственной примесью чего-то приторно-сладкого, почти тошнотворного, от чего мысли путались, а язык становился ваты и непослушным. Полынь, собранная в новолуние, зверобой, сорванный на Купалу, корень мандрагоры, выкопанный с особыми молитвами... Древние, старые, могучие травы, которые ведунья использовала крайне редко, только когда случалось что-то совсем из ряда вон выходящее, что-то, что не поддавалось лечению обычными средствами — настоями, припарками, заговорами. Что-то, что лежало за гранью человеческого понимания.

— Очнулась, значит. Хорошо. Долго же ты бродила по Серым Пределам, девочка.

Голос Мирославы был сухим, ломким и негромким, как треск перестоявшей лучины. Ведунья сидела у массивного дубового стола, спиной к Лиаре, и мерно, ритмично, с каким-то механическим, заученным упорством толкла что-то тяжёлым каменным пестиком в такой же каменной, источенной временем ступке. Звук был монотонный, убаюкивающий: тук-тук, тук-тук, тук-тук. Её длинные, совершенно седые, как зимняя луна, волосы, распущенные по древнему обычаю всех ведуний и вещуний, свисали со сгорбленных плеч до самого земляного пола, почти касаясь рассыпанной там соломы. Плечи её, всегда — сколько Лиара себя помнила — казавшиеся нестигаемыми, каменными, способными выдержать любую тяжесть и любое горе, сейчас были как-то странно, непривычно опущены, будто под непосильной, невидимой ношей. Словно она, старая, мудрая, всё на свете повидавшая Мирослава, несла на этих плечах не только собственную долгую жизнь, но и груз, который не смог бы поднять ни один мужчина в поселении.

— Сколько я... — начала Лиара и тут же закашлялась — горло было сухим, шершавым, как старая кора, и першило так, будто она наглоталась горячей золы. — Сколько я спала, бабушка Мира? Что со мной было? Почему я здесь, а не в своём доме?

— Три дня, — не оборачиваясь, не прекращая своего монотонного занятия, ответила Мирослава, и в её голосе прозвучала такая глубокая, такая безысходная усталость, какой Лиара никогда раньше не слышала. — Три долгих дня и три долгих ночи ты металась в горячке, в жару, в беспамятстве. Кричала так, что стёкла в окнах дрожали. Кричала на языках, которых нет в этом мире и не было уже тысячу лет. Глаза твои, девочка, светились так ярко, что сквозь опущенные веки было видно — золотым, страшным, нездешним светом. Я велела закрыть все ставни и никому не подходить к избе, но свет этот всё равно пробивался сквозь щели, и люди боялись, ох, как боялись... — Она наконец прекратила толочь свои травы, поставила пестик в ступку и медленно, тяжело, с видимым усилием повернулась. — Я думала, ты не вернёшься, Лиара. Думала, этот внутренний огонь, что проснулся в тебе, сожжёт тебя изнутри, испепелит дотла, не оставив ни костей, ни памяти. Думала, ошиблась я, ошиблась в расчётах, и ты оказалась недостаточно сильна для этой ноши.

Лиара увидела её лицо и внутренне содрогнулась. Лицо ведуньи, всегда бесстрастное, замкнутое, напоминавшее маску, вырезанную из старого дуба, за эти три дня покрылось такой глубокой, такой густой сетью морщин, будто она постарела на десяток, на два десятка лет. Глаза, обычно острые и цепкие, как у старой вороны, сейчас были красными, воспалёнными, окружёнными тёмными кругами, а белки их пересекали лопнувшие сосуды.

— Какой огонь? — Лиара попыталась приподняться на локтях, но тело не слушалось — мышцы были ватными, слабыми, будто их и вовсе не было. Руки дрожали от малейшего напряжения, а голова кружилась так, что изба плыла и качалась перед глазами. — Бабушка Мира, что со мной случилось? Мне казалось... мне слышался голос, странный такой, нечеловеческий...

— Голос? — Ведунья резко, порывисто, совершенно не по-старушечьи вскочила со своей скамьи, схватила тяжёлую, истертую сотнями ладоней клюку и, тяжело, с присвистом дыша, почти подбежала к лавке. Её выцветшие от старости глаза, в которых теперь горел какой-то лихорадочный, болезненный огонь, впились в лицо Лиары с такой силой, будто хотели проникнуть внутрь черепа, в самую душу. — Что сказал тебе Голос? Какие именно слова? Вспомни, девочка, попытайся вспомнить — это очень важно, важнее всего на свете!

Девушка наморщила лоб, пытаясь выудить из вязкой, мутной, как болотная жижа, пелены беспамятства обрывки воспоминаний. Мысли ворочались тяжело, неохотно, будто мокрые валуны на дне реки, но слова — странные, чужие, не принадлежащие этому миру — сами собой всплыли в памяти, словно их кто-то выжег калёным железом на внутренней стороне век.

— «Двадцать лет, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим, далёким, доносящимся откуда-то из-за толстой стены. — Срок вышел. Печать истончилась. Проснись, наследница». Вот что он сказал. А потом была боль. Такая сильная, что, казалось, голова треснет пополам. И свет — белый, холодный, слепящий. И всё, больше ничего не помню.

Мирослава отшатнулась, пошатнулась — да так, что вынуждена была ухватиться за край лавки, чтобы не упасть. Её иссохшие, скрюченные старостью пальцы с такой неистовой силой вцепились в деревянный набалдашник клюки, что костяшки побелели и захрустели, будто сухие ветки под сапогом. На лице её, обычно непроницаемом, отразилась целая буря эмоций — страх, отчаяние, какая-то мрачная, горькая радость и что-то ещё, похожее на благоговейный ужас верующего, увидевшего воочию своё божество.

— Значит, правда, — глухо, едва слышно проговорила она, и голос её дрогнул, сорвался, упал почти до шёпота. — Значит, всё это правда. Значит, то, чего я боялась двадцать зим, чего надеялась избежать, что пыталась забыть, закопать, утаить — оно случилось. Случилось, Мать-Сыра-Земля, случилось... Правда, которую я думала унести с собой в могилу, схоронить навеки, стереть из памяти людей, — она вылезла наружу, как вылезает погань из могилы в недобрую ночь.

— О чём ты говоришь? Какая правда? При чём тут могила? — Лиара уже почти кричала — насколько позволяло слабое, непослушное горло. — Бабушка Мира, объясни мне, ради всего святого! Я имею право знать, что со мной происходит!

— При том, девочка моя, — резко, почти грубо оборвала её ведунья, и в её голосе снова прорезалась сталь, жёсткая и холодная, как лезвие того самого ритуального ножа, что всё ещё валялся где-то под елью на поляне, — при том, что твоя мать была не человек. И твой отец — ох, прости меня, глупую старуху, за этот вековой обман, — не просто кузнец из Пограничного клана, каким его все знали и почитали. Он вырастил тебя, это правда, он заботился о тебе, как о родной, — но кровь, что течёт в твоих жилах, это не его кровь. Думаешь, думала ли ты хоть раз, глупая девчонка, почему у тебя глаза зелёные, как весенний мох после дождя, хотя у всех в клане, у всех до единого — серые да голубые, как вода в горном озере? Думаешь, почему стрелы твои всегда, в любую погоду, в любой ветер находят цель, будто заговорённые? Почему

звери не чувствуют тебя за три шага, почему ты видишь в темноте, как рысь, почему слышишь, как мышь скребётся в корнях за сотню метров? Почему раны на тебе заживают вдвое, втрое быстрее, чем на Ратмире, чем на любом другом охотнике?

Лиара молчала, потрясённая, раздавленная этим внезапным потоком откровений. Она всегда знала, где-то глубоко внутри, в том самом тайном уголке души, что она — другая. Отличается от сверстников, от подруг, от всего окружающего мира. Что с ней что-то не так — или, наоборот, так, как не бывает с другими. Но Пограничный клан, с его суровыми законами и вечной, изматывающей войной, не задавал лишних вопросов и не поощрял копания в себе. Здесь ценились навыки, а не родословная, меткость, а не происхождение. Здесь каждый — каждый! — имел священное право на свою тайну, на свой скелет в шкафу, на свою тёмную историю, о которой не принято было спрашивать.

— Твоя мать пришла с севера, — продолжала Мирослава, и голос её зазвучал иначе — отстранённо, глухо, будто она читала вслух древнюю, полуистлевшую летопись, которой место в пыльном сундуке, а не в памяти живых. — Она пришла в самый канун Зимнего Солнцеворота, в самую длинную ночь года, когда тьма стоит над горами, как чёрная стена, и даже волки не воют — боятся. Она была из Золотого народа, девочка. Из тех, кого в старых, всеми забытых сказках, которые теперь уже никто не рассказывает детям на ночь, называют Детьми Солнца, Огненными Душами, Хранителями Света. Тысячу лет назад — слышишь меня, целую тысячу! — они жили на этой земле, владели ею, владели великой силой, такой могучей, что могли повелевать самым солнечным светом, подчинять его своей воле, ткать из него одежды и ковать оружие. А потом пришла Долгая Ночь — и они ушли. Все до единого. Растворились, исчезли, стали легендой, мифом, красивой сказкой. Но кровь их не исчезла совсем — она спряталась, ушла на дно, смешалась с кровью людей, передавалась из поколения в поколение, всё слабее и слабее, пока почти не заснула. Но иногда, раз в несколько поколений, очень редко, она просыпается. И тогда рождается ребёнок с зелёными глазами и золотой кровью. Такой, как ты.

— Но мать, — прошептала Лиара, и губы её онемели, отказывались слушаться, будто их сковало морозом, — ты же сама говорила мне, когда я была маленькой, что она умерла родами... Что её тело исчезло... Я помню эти рассказы...

— Я солгала, — просто, без тени раскаяния или стыда сказала ведунья. — Мне пришлось. Иного выхода не было, пойми. Твоя мать не умерла. Она ушла. В ночь твоего рождения, едва разрешившись от бремени, она завернула тебя в свой плащ — плащ из чистого света, который превратился в обычную ткань, едва коснулся человеческих рук, — и оставила на пороге этого самого дома. А потом ушла. Ушла обратно на север, в метель, в тьму, в неизвестность. Сказала мне только одно — и это были последние слова, которые я от неё слышала: «Если ребёнок доживёт до двадцати и кровь проснётся — значит, старая война ещё не кончена. Позаботься о ней, старая. Если же не проснётся — пусть живёт человеком, простой жизнью, и никогда не узнает, кто она на самом деле». И ушла. На север, в земли, откуда никто не возвращается. В ледяные пустоши, где даже воздух замерзает и падает на землю хрустальной крошкой.

В печи с оглушительным треском, похожим на пистолетный выстрел, лопнуло перегоревшее полено. Рой ярких, золотых, яростных искр взметнулся под самый потолок, к закопчённым балкам, и на одно короткое, как вспышка молнии, мгновение вся изба — и чёрные бревенчатые стены, и пучки сухих трав, и бледное лицо ведуньи, и медвежья шкура на лавке — озарилась призрачным, дрожащим, каким-то неземным светом. Лиара, замерев, не дыша, смотрела на свои собственные руки — самые обычные, чуть огрубевшие от постоянного натя-

гивания тетивы руки лучницы, с вьёвшейся в поры грязью, с мозолями на подушечках пальцев, с маленьким, давно зажившим шрамом от неосторожного удара ножа. Неужели в этих жилах, под этой кожей, прямо сейчас течёт кровь легендарного, исчезнувшего народа, о котором она слышала лишь обрывки полузабытых преданий?

— А голос, — сглотнула она тугой, болезненный ком, стоявший в горле, — тот, что я слышала там, на поляне. Чей он? Откуда он взялся? Кто говорил со мной?

— Память крови, — Мирослава наконец тяжело, со стоном облегчения опустила на край лавки, в ногах у Лиары, положив свою клюку поперёк колен, и устало уронила голову на грудь. — Память древнего долга, который ты не давала, но который отныне — твой. Тысячу лет назад, когда пришла Долгая Ночь, она пришла не сама по себе. Её призвали — или, если верить другим летописям, открыли ей дорогу, — те, кто хотел безграничной власти над миром. Те, кому был ненавистен свет, порядок, сама жизнь. И тогда Золотой народ встал у них на пути — стеной, щитом, живым огнём. Они заплатили страшную, немыслимую цену за победу — они сожгли себя дотла, до последнего ребёнка, до последней капли крови, чтобы запереть тьму в Глубинах, в подземных безднах, откуда нет выхода. Но не навсегда — они не могли навсегда. На тысячу лет — таков был их договор с мирозданием, с самим ходом времени. Тысяча лет покоя — а потом тьма вернётся, и её нужно будет встретить снова.

— И этот срок истекает, — догадалась Лиара, и внутри у неё всё похолодело от внезапного, леденящего понимания. — Тысяча лет...

— Истекает в этом году, — кивнула ведунья, и кивок этот был тяжёлым, будто она роняла голову на плаху. — В день летнего солнцестояния, когда ночь самая короткая, а свет самый долгий. В этом есть какая-то злая, горькая ирония — тьма возвращается в день, когда свет празднует свою высшую победу. А сегодня, — она бросила быстрый, острый, как лезвие, взгляд в тёмное, затянутое бычьим пузырьём оконце, за которым не было видно ни зги, — двадцать третий день месяца Травника. Времени у нас — меньше двух полных лун. Меньше двух месяцев. А потом печать падёт окончательно, и то, что заперто в Глубинах, вырвется на свободу.

Не успела она договорить, как в тяжёлую, обитую для тепла войлоком дверь постучали. Стук был громкий, требовательный, властный — так стучат люди, облечённые властью и привыкшие, чтобы им подчинялись беспрекословно. Три размеренных, тяжёлых удара кулаком. Мирослава нахмурилась, её и без того изрезанное морщинами лицо стало совсем мрачным, почти зловещим. Она подняла сухую, узловатую руку, призывая Лиару хранить молчание, и тяжело, опираясь на клюку, проковыляла к выходу, шаркая по земляному полу разношенными валенками.

На пороге, освещённые тусклым, колеблющимся светом масляного светильника, стояли старейшины. Все трое — что само по себе было событием чрезвычайным, ибо всех троих вместе редко можно было увидеть в одном месте, если не считать праздников и общих сборов.

Первым, заслонив собой весь дверной проём, возвышался Старейшина Велимир — глава клана, верховный судья и военачальник, грузный, кряжистый старик с широченными, как дубовый стол, плечами и окладистой, совершенно седой бородой, заплетённой в три тугие косы — по числу трёх великих побед над нечистью, одержанных под его командованием. Одет он был, несмотря на ночное время, в полный парадный доспех — кольчугу из воронёной стали и плащ из волчьей шкуры, — и тяжело, хрипло дышал после крутого подъёма на холм, опираясь на

массивный, выше человеческого роста посох из морёного, почерневшего от времени дуба. На поясе его висел древний, передававшийся из поколения в поколение меч — Северный Коготь, чья рукоять была украшена огромным, тускло светящимся в темноте рубином.

За его могучим плечом маячили двое других. Справа — Стоян, главный мастер оружия и доспехов, сухой, как вобла, жилистый, поджарый мужчина неопределённого возраста, с гладко выбритым — единственный во всём клане! — лицом и вечно, даже во сне, поджатыми в тонкую, неодобрительную линию губами. Глаза его, холодные и колючие, как осколки льда, цепко обшаривали помещение, не упуская ни одной детали. Слева стояла Горислава — старшая над женщинами, вдова трёх мужей, суровая, как сама зима, женщина, чьё лицо, изрезанное морщинами не меньше, чем лицо ведуньи, напоминало застывшую маску вечного, непроходящего неодобрения всем и вся.

— Мы видели свет, — без предисловий, с порога начал Велимир, и его низкий, грудной голос гулко раскатился по избе, перекрывая даже шум ветра за окнами. — Три дня назад, на ритуальной охоте. Наши дозорные с башни доложили, что небо над лесом полыхало золотом — ярким, неестественным, какое бывает только над местами великих битв. А потом нам сообщили, что ты, Мирослава, созываешь совет. Ночью. Тайно. — Он на шаг, на полшага продвинулся вперёд и вперил свой тяжёлый, как горный обвал, взгляд в ведунью. — Хватит тайн, старая. Мы терпели твоё молчание двадцать лет, но теперь оно становится опасным. Объясни, во имя Праотцев, что происходит с этой девчонкой. Что за огонь горит в её жилах и почему этот огонь прожигает камни?

— С девчонкой? — эхом, с холодной, презрительной усмешкой повторила ведунья, и в её голосе прорезалась сталь такой закалки, что даже Велимир, не привыкший отступать, чуть подался назад. — Ты называешь её «девчонкой», будто она одна из ваших, обычный ребёнок, родившийся от обычных родителей. А она, Велимир, — и слушай меня внимательно, ибо второй раз я этого не повторю, — она последняя из ныне живущих потомков Золотого народа. Последняя искра угасшего пламени. И в её жилах течёт кровь, которая однажды, тысячу лет назад, уже спасла этот жалкий, неблагодарный мир от полного уничтожения.

В избе повисла такая глубокая, такая абсолютная, такая звенящая тишина, что Лиара слышала, как бьётся её собственное сердце и как потрескивают угли в печи. Стоян и Горислава быстро, почти испуганно переглянулись. Велимир же тяжело, будто мешок с камнями, опустился на ближайшую лавку, и та жалобно, протяжно заскрипела под его немалым весом, грозя переломиться пополам.

— Золотой народ, — медленно, точно пробуя каждое слово на вкус, проговорил он. — Я всегда думал, что это всего лишь красивые сказки для детей, легенды, которыми пугают неслухов долгими зимними вечерами. Предания, не имеющие под собой никакой реальной почвы.

— Не сказки, — отрезала ведунья, и в голосе её не было и тени сомнения. — И не легенды. Тысячу лет назад моя предшественница, ведунья Яромила, чьё имя ты найдёшь в самом начале клановых летописей, сама, своими глазами видела последнюю битву. Она стояла на этом самом холме и смотрела, как в долине, там, где сейчас русло Мёртвой реки, сгорали последние воины Золотого народа, запирая тьму. Она описала эту битву в «Книге Пепла», которую я, согласно древнему обету, храню под замком уже шестьдесят четыре года. Долгая Ночь была остановлена — но не уничтожена. Её заперли, как запирают дикого зверя в клетке.

И замок этот держится ровно тысячу лет — ни днём больше, ни днём меньше. Срок истекает в грядущее солнцестояние.

Горислава шагнула вперёд, выступив из-за спины Велимира, и в её глазах — обычно пустых, рыбьих — Лиара впервые увидела настоящий, живой, плещущийся через край страх. Холодный, липкий, животный страх, который та безуспешно пыталась спрятать за напускной суровостью и каменным выражением лица.

— Если то, что ты говоришь, — правда, — произнесла она, и голос её чуть заметно дрогнул, — то выходит, что ты, Мирослава, всё это время водила нас за нос. Ты растила это... это создание, эту бомбу замедленного действия... среди наших детей, в нашем поселении, на наших глазах. Двадцать лет мы жили на пороховой бочке, даже не подозревая об этом.

— Я растила ребёнка, — жёстко, не допускающим возражений тоном ответила ведунья, стукнув клюкой об пол так, что искры посыпались из-под наконечника. — Невинного, беззащитного ребёнка, который не просил этой крови, не выбирал этой судьбы и ни в чём перед вами не виноват. Ребёнка, у которого отныне есть только один, самый страшный в мире выбор — принять свою судьбу и, возможно, умереть, исполняя долг, которого не давал, или отречься от всего и жить с этим позором до конца дней. И я не позволю никому — слышишь, Горислава, никому! — называть её «созданием».

— Выбор? — усмехнулся Стоян, и усмешка эта была холодной, недоброй, полной скепсиса и недоверия. — Какой у неё выбор, старая? Если девчонка и вправду последняя наследница Золотых, как ты утверждаешь, то её судьба предопределена от рождения. Она либо закроет тьму, либо умрёт, пытаясь это сделать. Третьего, как известно, не дано никому — ни богатырям, ни героям, ни последним отпрыскам вымерших династий. Так всегда было и так всегда будет.

Лиара слушала этот разговор, лёжа на лавке, укрытая медвежьей шкурой, и внутри неё, в том самом тайном уголке души, медленно, как поднимающееся тесто, росло странное, незнакомое доселе чувство. Это не был страх — страх она познала давно, ещё в детстве, когда впервые столкнулась с нечистью лицом к лицу. Это не был гнев — гнев был ей тоже знаком, она умела с ним справляться. Это было глухое, тягучее, почти осязаемое раздражение, замешанное на горькой, жгучей обиде. Они говорили о ней так, будто её здесь не было вовсе. Будто она — не человек, не живая душа, способная думать, чувствовать и принимать решения, а всего лишь вещь, артефакт, инструмент, который нужно либо использовать по назначению, либо уничтожить за ненадобностью. Они решали её судьбу — а её саму даже не спросили.

— Хватит, — сказала она, и собственный голос прозвучал намного твёрже, чем она ожидала, намного твёрже, чем позволяло её нынешнее, полуживое состояние. — Я здесь. И я сама буду решать, что мне делать и куда идти.

Все лица в избе — все четыре пары глаз — мгновенно повернулись к ней. Лиара, преодолевая слабость и головокружение, откинула в сторону тяжёлую, пропахшую древней шерстью медвежью шкуру и спустила босые ноги на холодный, тщательно утоптаный земляной пол. Тело всё ещё дрожало от слабости, мышцы ныли и не хотели слушаться, а перед глазами всё плыло, но голова — впервые за долгое время — была поразительно, удивительно ясной, как горный хрусталь. Что-то фундаментально изменилось в ней за эти три дня огненного беспамьтства — она чувствовала это каждой клеточкой своего обновлённого тела. Краски окружа-

ющего мира стали глубже, насыщеннее, многограннее, будто кто-то протёр запылённое стекло. Звуки обрели новую, неслыханную доселе чёткость — она слышала, как в подполе скребутся мыши, как потрескивают брёвна от ночного мороза, как бьётся сердце старой Мирославы — неровно, с перебоями. А где-то там, на самой границе сознания, билась, пульсировала, требовала выхода странная, горячая, живая сила, похожая на пойманную в кулак молнию.

— Если то, что говорит бабушка Мира, — правда, — продолжила она, медленно, очень медленно поднимаясь на ноги и глядя прямо в глаза Велимиру, не отводя взгляда, — значит, у нас есть чуть меньше двух лун до солнцестояния. Я хочу знать всё. Всё, что вы скрывали от меня эти двадцать лет. Что это за тьма такая, откуда она взялась, где именно она заперта? Почему моя мать ушла на север, бросив меня здесь, на руках чужих людей? И, самое главное, — что мне теперь со всем этим делать?

— На первые два вопроса я, пожалуй, смогу ответить, — медленно, обдумывая каждое слово, проговорила ведунья. — А вот на третий... — она тяжело, с присвистом вздохнула, — на третий вопрос нет ответа ни у меня, ни у кого-либо из ныне живущих в этом мире. Твоя мать ушла на север — туда, где, по всем древним преданиям и обрывкам карт, некогда стояла блистательная столица Золотого народа. Город, который называли Колыбелью Света, Солнечным Чертогом, Оком Мира. Никто, ни одна живая душа на всём континенте не знает, существует ли он сейчас, спустя тысячу лет забвения, и что стало с теми, кто имел глупость или мужество там остаться. Но если кто и может знать правду о том, кто ты и что тебе суждено — они там. На севере. За Мёртвыми болотами, за Ледяным хребтом, в самом сердце вечной зимы.

— Безумие, — резко, как пощёчина, прозвучал голос Гориславы. — Откровенное, самоубийственное безумие. Север мёртв уже сотни лет, и об этом знает каждая собака за Рогожской заставой. Там нет ничего, кроме вековых льдов, кроме неупокоенных тварей, что воют по ночам, кроме безумия, которое проникает в кровь с каждым вдохом ледяного воздуха. Отправлять девочку — пусть даже с золотой кровью! — туда, в ледяную пустыню, это значит убить её раньше срока, не дав врагу даже шанса.

— Возможно, ты и права, — кивнула ведунья, и кивок этот был мрачным и неохотным. — Возможно, это действительно безумие. Но сидеть здесь, сложа руки и ожидая, пока тьма вырвется на свободу, — это безумие ещё большее. Тогда смерть придет ко всем нам — к тебе, ко мне, к твоим детям и внукам, — а не только к ней одной. Выбор, как видишь, невелик.

Велимир долго, очень долго молчал. Его толстые, узловатые пальцы, привыкшие к рукояти меча, машинально перебирали косы в бороде, расплетали и снова заплетали их — старая привычка, верный признак глубочайшей, напряжённой задумчивости, хорошо знакомая всем, кто его знал. Наконец, после долгой паузы, он поднял свои выцветшие, но всё ещё острые, как у старого коршуна, глаза и посмотрел прямо на Лиару.

— Ты говоришь, девочка, что сама будешь решать, — проговорил он низким, грудным, полным скрытой силы голосом. — Что ж, хорошо. Это достойно и справедливо. Я всегда уважал и буду уважать право выбора — последнее, что нельзя отнять даже у приговорённого к смерти. Чего ты хочешь, дочь Пограничного клана? Или нам теперь следует называть тебя как-то иначе — наследницей, золотой девой, владычицей света?

Лиара медленно, словно во сне, посмотрела на свою правую руку. Туда, где три дня назад сияла, пульсировала, прожигала землю золотая, нечеловеческая кровь. Сейчас запястье было

туго и умело перевязано чистой, пахнувшей целебными травами тряпицей, под которой угадывался толстый слой какой-то пахучей мази. Но она знала — чувствовала каким-то новым, только что открывшимся чутьём, — что под повязкой нет ни шрама, ни струпа, ни даже покраснения. Рана затянулась полностью, без следа, как затягиваются раны у оборотней из старых сказок. Слишком быстро для обычного человека. Невозможно быстро.

— Я — Лиара, — сказала она тихо, но твёрдо, и голос её, ещё слабый после болезни, прозвучал с неожиданной, удивившей её самой сталью. — Кем бы ни была моя мать, кем бы ни были мои древние предки, я выросла здесь, среди вас. Я — лучница Пограничного клана, и другой родины у меня нет. И если этому миру, этому лесу, этим горам угрожает какая-то древняя, замогильная тьма, то я пойду и посмотрю ей прямо в глаза. Не потому что такова моя судьба, не потому что так написано в пророчестве, а потому что это мой дом. И я буду его защищать.

— Красивые слова, громкие и правильные, — процедил сквозь зубы Стоян, скрестив руки на груди. — Но пафос, девочка, не заменит умения, а смелость не заменит силы. Что ты можешь противопоставить тьме, которая в своё время уничтожила целый народ, вооружённый магией и благословлённый самим Солнцем? Твой лук? Твой нож? Или, может быть, своё горячее сердце, которое тьма поглотит с той же лёгкостью, с какой мы поглощаем утреннюю кашу?

— Не знаю, — честно, без бравады и ложной гордости ответила Лиара, и эта честность, кажется, произвела на старейшин большее впечатление, чем любые героические речи. — Я ничего не знаю про эту тьму, про свои силы, про то, что меня ждёт впереди. Но у меня есть две луны — почти шестьдесят дней — чтобы узнать. И я намерена использовать каждый час этого времени.

Она встала в полный рост, покачиваясь от слабости, но упрямо, сжав зубы, удерживая равновесие. Босые ноги ощущали холод земляного пола, но этот холод помогал держаться в сознании. Медленно, шаг за шагом, она подошла к дальней стене, где на вбитом в бревно деревянном крюке сиротливо висел её боевой лук — Ратмир, верный друг, видно, принёс его сюда, пока она лежала в горячке. Пальцы привычно, как старые друзья после долгой разлуки, сомкнулись на отполированной, тёплой на ощупь рукояти.

— Рассказывай, — повернулась она к ведунье, и в голосе её не осталось и тени сомнения. — Всё, что знаешь. Всё, что веками хранила в тайне. Про Долгую Ночь, что пришла тысячу лет назад. Про Золотой народ, что сгинул в огне. Про Колыбель Света, что стоит где-то во льдах. Про мою мать, про моё наследие, про мой долг. У нас больше нет времени на секреты, бабушка Мира. Рассказывай.

Мирослава медленно, будто во сне, кивнула. Она подошла — не проковыляла, а именно подошла, выпрямившись и отбросив клюку, — к дальнему, самому тёмному углу избы, где на толстых дубовых плахах стоял огромный, обитый полосами проржавевшего железа кованый сундук. Сундук этот Лиара помнила с раннего детства — он всегда был заперт, всегда хранил какую-то тайну, и детям строго-настрого запрещалось к нему приближаться. Ведунья извлекла из складок своего бесформенного платья большой, тяжёлый, покрытый замысловатой резьбой ключ, который она носила на шее, на простом кожаном гайтане, и вставила его в замочную скважину. Замок щёлкнул — гулко, протяжно, будто вздохнул, — и крышка сундука со страшным, замогильным скрипом отворилась, явив на свет его таинственное содержимое.

Из сундука Мирослава извлекла Книгу. Это была даже не книга в обычном понимании этого слова — скорее, это был артефакт, предмет древнего, непостижимого искусства, сама история, воплощённая в материи. Огромный, невероятно тяжёлый фолиант в переплёте из тёмной, почти чёрной кожи, которая тускло, угрожающе мерцала в свете печи багряными, кровавыми искрами. Кожа эта не принадлежала ни одному известному животному. Страницы, толстые и немного неровные, были сшиты не нитками, а тонкой, светящейся в темноте серебряной нитью, что вилась и переплеталась в сложный, завораживающий узор. А массивная застёжка была выполнена в виде золотого солнечного диска с расходящимися в стороны, будто живые, лучами, в центре которого пульсировала, подобно бьющемуся сердцу, крохотная алая искра.

— «Книга Пепла», — благоговейно, едва дыша, прошептала Горислава, и её каменное, непроницаемое лицо на миг исказилось священным ужасом. — Она существует... Книга, которую считали утраченной, уничтоженной во время Великого Пожара... Она здесь, у тебя, всё это время...

— Существует, — подтвердила Мирослава, с видимым, почти физическим усилием кладя тяжёлый фолиант на стол. — И в ней записано всё. Каждая битва, каждое имя, каждое пророчество. Последнее отступление Золотых, их прощальная жертва, заточение тьмы в Глубинах. И Пророчество о Возвращении, которое старейшины Золотого народа оставили тем, кто придёт после.

— Какое ещё пророчество? — нахмурился Стоян, подаваясь вперёд.

Ведунья раскрыла книгу где-то на середине — страницы, несмотря на тысячелетний возраст, разошлись легко и беззвучно, будто их только вчера перелистывали. И Лиара увидела строки — выцветшие, неровные, написанные от руки древними, давно забытыми чернилами на языке, которого она не знала, но который странным образом казался ей смутно, тревожно знакомым, будто она слышала его когда-то, в другой, до-жизни.

— «Когда кровь Золотых пробудится ото сна в двадцатую весну от смешения двух родов, — прочла Мирослава вслух, и голос её зазвучал необычно, торжественно, пророчески, — когда свет воссияет в крови той, что рождена от смертного и бессмертной, — тогда, в назначенный срок, падёт последняя печать, сдерживающая Предвечную Ночь. И лишь та, что носит в себе незамутнённый Свет, сможет закрыть Чёрные Врата — или, поддавшись соблазну, распахнуть их настежь, впуская конец всего сущего».

— «Или распахнуть», — медленно, по слогам, будто пробуя слова на вкус, повторила Лиара, и в наступившей тишине эти слова прозвучали зловеще, как удар погребального колокола. — Что это значит, бабушка Мира? Я не понимаю. Как я могу «распахнуть» то, что должна закрыть?

— Это значит, дитя моё, — ведунья впервые за весь долгий, бесконечный вечер посмотрела на неё с нескрываемой, глубокой, щемящей жалостью, — что твоя сила, проснувшаяся сегодня, — это не просто оружие. Это — ключ. Ключ от последней, самой страшной двери, за которой заперта Предвечная Ночь. Ты, и только ты, сможешь либо запереть эту дверь навечно — ценой, возможно, собственной жизни, — либо, по слабости, по глупости или по злой воле, отворить её и выпустить тьму обратно в мир, который она так жаждет поглотить. Выбор, Лиара, — и в этом заключается всё проклятие твоей крови, — всегда будет только за тобой.

Весть о случившемся расползлась по поселению к утру следующего дня, быстрая и неумолимая, как чума. Лиара не знала, кто именно проболтался — может, Горислава, не умевшая держать язык за зубами, когда дело касалось безопасности клана, а может, сам Велимир решил, что народ должен знать правду, какой бы горькой она ни была. Так или иначе, когда она на рассвете, зябко кутаясь в накиннутый на плечи старый овчинный тулуп, вышла из душеной, пропахшей травами избы ведуньи, чтобы глотнуть свежего, морозного воздуха, — её встретили взгляды.

Эти взгляды она запомнит на всю оставшуюся жизнь, сколько бы ей ни было отмерено.

Взгляды, полные самого чёрного, самого липкого, самого первобытного страха — того страха, что гнездится в самой глубине человеческой души и просыпается лишь тогда, когда человек сталкивается с чем-то абсолютно, фундаментально непонятным и оттого невыносимо пугающим. Соседи, с которыми она выросла бок о бок, с которыми двадцать лет делила и радости, и горести, и скудную трапезу, и опасные дозоры, — теперь шарахались от неё, как от зачумлённой, как от прокажённой, покрытой язвами. Женщины, завидев её худощавую фигуру, поспешно хватали своих детей и уводили их в дома, захлопывая двери и запирая ставни. Мужчины — вчерашние товарищи по охоте, с которыми она ела из одного котла, — хмурились, отводили глаза в сторону и плевали через левое плечо, отгоняя нечистую силу. Даже собаки — вездесущие, вечно голодные деревенские псы, которые ещё три дня назад ластились к ней и виляли хвостами, выпрашивая подачку, — теперь, поджав облезлые хвосты и ошетилив загривки, рычали на неё издалека и не решались приблизиться.

И только один человек во всём поселении вышел ей навстречу, не таясь и не боясь.

Ратмир ждал её у покосившейся, потемневшей от времени изгороди, что отделяла двор ведуньи от главной улицы. Взлохмаченный, ещё более взлохмаченный, чем обычно, с огромными, залёгшими под глазами тёмными кругами, говорившими о трёх бессонных ночах, в наспех запахнутом на груди полушубке, он стоял, прислонившись спиной к замшелому столбу, и смотрел на неё — не со страхом, не с отвращением, а с прежним, знакомым с детства, немного насмешливым, но тёплым и родным выражением.

— Я с тобой, — сказал он просто, будто речь шла об очередной вылазке в лес за хворостом или на охоту. — Куда бы ты ни собралась, какой бы безумный путь ни выбрала. Я иду с тобой.

— Ты не знаешь, куда я собралась, — покачала головой Лиара, и на губах её против воли мелькнула слабая, едва заметная тень улыбки — первая улыбка за всё это бесконечное, перевернувшее всё с ног на голову утро. — Это далеко. Очень далеко. И очень опасно.

— Да хоть в самую Бездну, в Чёрные Врата, о которых бубнила старая Мирослава, — широко, беспшибашно, совершенно по-мальчишески усмехнулся он, и в его серых глазах заплясали знакомые озорные искорки. — Мы с тобой с шести лет вместе, Лиара. Помнишь, как ты меня, дурака, из капкана вытаскивала? Как мы от волчьей стаи вдвоём отбивались на Синем перевале? Думаешь, я тебя теперь брошу, когда ты вдруг оказалась какой-то там наследницей древних? Не дождёшься.

Лиара ничего не ответила. Да и что тут можно было ответить? Просто подошла, шагнула вперёд и крепко, по-мужски, сжала его плечо своей всё ещё слабой, но уже наливающейся

прежней силой рукой. Потом отпустила и, не оглядываясь, медленно пошла по пустой, будто вымершей улице к центральным воротам поселения. Ей нужно было побыть одной — хотя бы несколько минут, хотя бы полчаса, чтобы подумать, осмыслить, переварить всё то, что свалилось на неё за последние, перевернувшие мир дни.

Но, проходя мимо приземистого, сложенного из дикого камня здания кузницы, из трубы которой всегда, в любую погоду, валил густой чёрный дым, она увидела отца. Замедлила шаг. Остановилась.

Он стоял в дверях, заслоняя собой вход, — огромный, мрачный, как та скала, что нависала над северным концом деревни. В одной руке он держал свой тяжёлый, испещрённый зазубринами кузнечный молот, а в другой — ещё дымящиеся клещи. Лицо его, обычно красное и лоснящееся от жара горна, сейчас было бледным, серым, как остывшая зола, а глаза смотрели на неё — нет, не со страхом, не с отвращением, — с каким-то бездонным, бесконечным, всепоглощающим горем.

— Отец... — тихо, почти шёпотом начала Лиара и шагнула к нему.

— Не называй меня так, — глухо, не своим голосом произнёс он. — Никогда больше не называй меня так. Я тебе не отец. Твоя мать... она зачала тебя задолго до того, как пришла в наше поселение. От кого-то из своих, из Золотых. Я только растил, кормил, учил стрелять из лука. Вырастил чужое семя. Семя, которое теперь, по словам ведуньи, принесёт всем нам погибель.

Он развернулся, тяжело, будто на плечи ему навалили неподъёмный груз, и, ничего больше не сказав, зашёл обратно в кузницу, с грохотом захлопнув за собой тяжёлую, обитую железом дверь. Лиара услышала, как изнутри глухо лязгнул засов.

Она осталась стоять посреди пустой, продуваемой холодным утренним ветром улицы, глядя на запертую дверь кузницы широко раскрытыми, сухими, невидящими глазами. Где-то глубоко в груди — там, где, по её представлениям, находилось сердце, — что-то тихо, почти неслышно оборвалось. Тонкая, натянутая до предела нить, двадцать лет связывавшая её с прошлой, понятной и простой жизнью, в которой она была просто лучницей, просто дочерью кузнеца, просто девушкой, которой недавно исполнилось двадцать, — эта нить лопнула и упала в пустоту.

Всё изменилось. Теперь — окончательно и бесповоротно.

Она медленно подняла руку — ту самую, ещё вчера светящуюся и прожигавшую землю, — и посмотрела на восходящее солнце сквозь растопыренные, слегка дрожащие пальцы. Светило только-только всходило из-за восточных пиков Ярого Хребта, заливая притихшее, замершее в испуге поселение жидким, расплавленным, ещё холодным золотом. Обычное весеннее солнце — тусклое, далёкое, не способное пока прогреть землю.

Но где-то там, на далёком, легендарном севере, за цепью непроходимых Мёртвых болот, за ледяными торосами и бездонными расщелинами Ледяного хребта, возможно — кто знает? — всё ещё стояла посреди вечной, натающей зимы Колыбель Света, Солнечный Чертог, последний оплот Золотого народа. Город, где когда-то жили такие, как она. Где, возможно, до сих пор живут — или, по крайней мере, ждут.

«Двадцать лет. Срок вышел. Проснись, наследница».

Лиара медленно, с нарочитой, хищной грацией сжала пальцы в тугую, побелевший от напряжения кулак. И на одно короткое, как вспышка выстрела, мгновение ей показалось — или не показалось? — что между пальцев, сквозь самую плоть и кожу, проскользнула крохотная, едва заметная, но несомненная золотая искра.

Где-то вдали, на севере, над бескрайними ледяными полями, занимался новый, невиданный доселе рассвет. И этот рассвет звал её. Путь на север начинался сегодня.

Глава 2. За секунду до стрелы

Пробуждение было долгим, мучительным и странным — гораздо более странным, чем всё, что Лиара испытывала за двадцать лет своей прежней, казавшейся теперь такой далёкой и почти нереальной жизни. Сознание возвращалось к ней не рывком, не мгновенной вспышкой, как это бывает, когда вынырываешь из глубокого, лишённого сновидений обморока, а медленно, неохотно, слой за слоем, будто она всплывала со дна глубочайшего, чёрного, заполненного ледяной водой колодца, куда её сбросили и забыли. Каждый новый слой реальности, который она преодолевала на пути к поверхности, приносил с собой новое, незнакомое ощущение, новый обрывок восприятия, новый, доселе неведомый оттенок бытия.

Первым вернулся слух. Но это был не тот слух, к которому она привыкла за два десятка лет — обычный человеческий слух, позволяющий различать голоса, шум ветра, скрип деревьев и далёкий волчий вой. Нет, теперь это было нечто совершенно иное, на порядок, на несколько порядков более острое, более чувствительное, более... всеобъемлющее. Она слышала всё. Абсолютно всё, что происходило в лазарете и далеко за его стенами, — и это «всё» обрушилось на неё оглушительной, хаотичной, сводящей с ума какофонией звуков, в которой поначалу невозможно было выделить ни одного отдельного источника.

Она слышала, как в дальнем углу комнаты, под половицей, в крошечной темноте под пола, крошечная мышь-полёвка грызла рассыпанное кем-то пшеничное зерно — и этот звук, этот микроскопический хруст разрушаемой оболочки, отдавался в её ушах с такой отчётливостью, будто кто-то прямо над головой дробил камни. Она слышала, как в стенах старого, сложенного из вековых сосновых брёвен здания лазарета, в самых глубоких слоях древесины, поселилась колония жуков-древоточцев, и каждый их крошечный челюстной аппарат, каждая микронная щепка, отпадающая от прогрызенного хода, — всё это было слышно, всё это сливалось в монотонный, непрекращающийся шорох, похожий на шёпот тысяч крошечных ртов. Она слышала, как в соседней палате, за толстой бревенчатой стеной, раненый охотник, которого вчера принесли с перевала с распоротым медвежьими когтями плечом, дышал во сне — неровно, хрипло, с присвистом, и как воздух со свистом проходил через его воспалённые, наполненные слизью бронхи. Но хуже всего — она слышала, как по её собственным венам, по артериям и капиллярам, с тихим, едва уловимым, но совершенно отчётливым шипением течёт кровь. Её кровь — густая, горячая, необычная. Золотая кровь.

Вторым вернулось обоняние. И это было ещё более ошеломляюще. Мир запахов, который раньше был для неё простым и односложным — дым костра, хвоя, сырая земля, звериный мускус, — теперь распался, расщепился на сотни, на тысячи отдельных, самостоятельных, ни с чем не смешивающихся ароматов. Она чуяла запах старой, высохшей крови, вьёвшейся в деревянный пол лазарета много лет назад, — крови разных людей, разных групп, с разными болезнями и разными судьбами. Она чуяла запах целебных трав, разложенных по полотняным мешочкам на полках у окна, — и теперь она могла не просто отличить ромашку от зверобоя, но и сказать, где именно была собрана каждая трава, в какую фазу луны и сколько дней назад. Она чуяла запах металла — игл, ножей, ножниц, — разложенных на столике целительницы, и чувствовала, что один из ножей недавно касался гниющей плоти и его плохо продезинфицировали. Но, помимо всего этого, она чуяла и ещё кое-что — странный, ни на что не похожий, тревожный и одновременно манящий запах, который исходил от неё самой. Запах, напоминающий аромат грозы, — тот самый, что висит в воздухе за мгновение до того, как молния рас-

сечёт небо. Запах озона и раскалённого металла. Запах пробудившейся, ещё не обузданной, дикой, первозданной силы.

Но самым последним, самым запоздалым и самым ошеломляющим из всех чувств вернулось зрение. И вот оно-то изменилось до полной, абсолютной неузнаваемости.

Лиара медленно, с огромным трудом, будто веки её были склеены мёдом, разлепила глаза — и тут же зажмурилась обратно, ослеплённая, оглушённая, раздавленная тем, что увидела. Мир, который она знала двадцать лет — мир, состоящий из чётких, стабильных, предсказуемых предметов, — исчез. Вместо него перед ней предстало нечто совершенно иное: бесконечно сложная, переливающаяся, пульсирующая паутина, сотканная из миллионов, миллиардов тончайших, едва видимых глазу серебристых, золотых и голубоватых нитей. Эти нити пронизывали всё вокруг — стены, потолок, пол, мебель, людей, само пространство, — они тянулись от каждого предмета к каждому другому, перекрещивались, сплетались, расходились, вибрировали и гудели на какой-то неслышной, но отчётливо ощущаемой частоте. Каждая из этих нитей, как она каким-то образом мгновенно поняла, была возможностью. Вероятностью. Потенциальным будущим событием, которое могло произойти — или не произойти — в зависимости от миллиона переменных.

Она снова открыла глаза — на этот раз медленнее, осторожнее, стараясь не смотреть на всё сразу, а сфокусироваться на чём-то одном. Её взгляд упал на деревянный потолок лазарета — простой, грубо отёсанный, со следами топора на бревне. Прямо над её койкой, на одной из балок, скопилась влага — видимо, ночью протёк стык в крыше. Маленькая, идеально круглая, тускло поблёскивающая в свете утреннего солнца капля воды набухла, росла, тяжелела, медленно собираясь упасть вниз. И Лиара вдруг — не подумала, не предположила, не вычислила, а именно увидела, причём с той же ясностью, с какой видела собственные руки, — что капля эта упадёт через четыре удара сердца. Что она сорвётся с балки, пролетит ровно три с половиной локтя, описывая в воздухе идеальную, чуть вытянутую параболу, и шлёпнется точно на угол сложенного в ногах одеяла, в пятом дюйме от её левой пятки.

Она знала это. Знала так же твёрдо и несомненно, как знала своё имя и название родного клана. Это знание не было результатом логического размышления, расчёта или догадки — оно просто пришло в её голову, как приходят воспоминания о вчерашнем дне. Готовое, цельное, неопровержимое.

Она замерла, затаила дыхание и принялась считать. Раз. Два. Три. Четыре.

Капля сорвалась. Сорвалась точно тогда, когда она и ожидала — ни мгновением раньше, ни мгновением позже. Она полетела вниз — не быстро и не медленно, а именно так, как было предсказано, — и Лиара, замерев от благоговейного ужаса, видела всю её траекторию, всю целиком, от начала до конца. Она видела, как свет преломляется в крошечной сфере воды, как внутри этой сферы на долю мгновения отражается вся комната — перевёрнутая, уменьшенная, искажённая, — как капля чуть колеблется в воздухе, встречая сопротивление восходящего от печи тёплого потока, как она чуть-чуть, на волосок, отклоняется в сторону, а затем — шлёп. Она упала точно в то место, которое Лиара знала заранее, в пятый дюйм от её левой пятки, прямо на грубую шерстяную ткань одеяла, и тотчас же впилась в неё, оставив крошечное тёмное пятнышко, которое через несколько минут высохнет и исчезнет без следа.

У неё перехватило дыхание. Сердце пропустило удар, а затем забилось с удвоенной, с утроенной силой, гулко отдаваясь в висках. Она только что видела будущее. Самое ближайшее, самое ничтожное, самое бесполезное будущее — падение капли воды с потолка, — но всё же будущее. То, что ещё не произошло. То, чего не мог знать никто из живущих.

— Ох, очнулась, родимая! — раздался откуда-то справа знакомый, скрипучий, как несмазанная тележная ось, голос, и Лиара, вздрогнув от неожиданности, перевела взгляд на его источник.

У её постели, на низенькой, грубо сколоченной деревянной табуретке, сидела целительница Ведана — полная, рыхлая, похожая на расплывшееся тесто старуха с огромными, не постарушечьи живыми и острыми карими глазами. Её морщинистое лицо, обрамлённое выбившимися из-под платка седыми прядями, светилось искренней, непритворной радостью и облегчением. Пухлые, унизанные серебряными кольцами пальцы, лежавшие на коленях, мелко подрагивали — то ли от старости, то ли от волнения. — Уж мы тебя ждали-ждали, выплакали все глаза. Три дня и три ночи без памяти лежала, как мёртвая, только жилка на шее билась да кровь сквозь бинты светилась. Всю душу мне вымотала, старая я, больная, а ты меня так пугать вздумала.

— Три дня... — прошептала Лиара пересохшими губами. — Я помню. Мне бабушка Мира говорила.

— Говорила, говорила, — закивала Ведана, пододвигаясь ближе. — Она к тебе каждую ночь приходила, травы меняла, заговоры шептала. А днём я сидела — отвары поила, компрессы на лоб клала, чтоб жар сбить. Ты горела, девочка, ох, как горела. Термометр разорвался, когда я его тебе под мышку сунула. Ртуть по полу растеклась серебряными шариками, пришлось Яроммира звать, чтоб собрал. Никогда такого не видела за шестьдесят лет знахарства, чтоб человек горел, как печка, и не сгорал. А ты — выжила. Выкарабкалась. Видно, и впрямь золотая кровь — твоя — не простая водица.

Лиара слушала её вполуха. Её внимание, помимо воли, снова переключилось на ту самую странную, невидимую паутину, что пронизывала всё пространство. Она попыталась смотреть сквозь неё, не фокусируясь, — и это, как ни странно, помогло. Нити стали чуть бледнее, чуть прозрачнее, ушли на периферию зрения, перестали полностью заслонять реальный мир. Теперь они напоминали скорее слабую, едва заметную рябь, как бывает, когда смотришь на дно реки сквозь толщу беспокойной воды. Но они всё равно были здесь — и она чувствовала, что никуда они уже не денутся.

— ...так что ты лежи, не вставай, — продолжала тем временем Ведана, перейдя от причитаний к деловому тону. — Силы ещё не вернулись, кровь только-только успокоилась. Я тебе отварчику заварила — липовый цвет, мать-и-мачеха, немного зверобоя для сердца. Выпей, полегчает.

Она засуетилась, повернулась к столику, взяла глиняную, обливную, с отбитым краешком кружку, полную ароматного, парного, пахнущего летом и мёдом отвара, и протянула её Лиаре. И в этот самый момент, когда пальцы целительницы уже разжались, чтобы передать кружку, Лиара увидела будущее — снова, во второй раз за это утро, но теперь гораздо, гораздо ярче.

Она увидела, как Ведана, передавая кружку, чуть наклоняет её, не рассчитав движение. Как тяжёлая глиняная посуда выскальзывает из ослабевших старческих пальцев. Как она летит вниз — медленно, будто сквозь густой кисель, — проворачиваясь вокруг своей оси, разбрызгивая во все стороны горячие янтарные капли. Как ударяется об пол, раскалывается на три больших и множество мелких осколков, и самый крупный из них, формой похожий на кривой звериный клык, вонзается Ведане в левую ступню, прямо сквозь мягкую кожаную туфлю. Как старуха вскрикивает от боли, отшатывается, цепляется рукой за столик с инструментами, опрокидывает его на себя, и острый скальпель, кувыркаясь в воздухе, полосует её по запястью, рассекая вену.

Нет!

Лиара увидела другое будущее — не то, что неминуемо, а то, что может случиться, если она вмешается. Увидела, как нужно подвинуть руку — всего на два пальца левее, — подхватить кружку снизу, а не сбоку, компенсировать наклон, придержать за донышко. Увидела, как Ведана благополучно передаёт отвар, не роняя ни капли, как отходит обратно к столу, как садится на табурет и начинает рассказывать какую-то историю из своей молодости.

Вся эта цепочка вероятностей — разветвлённая, сложная, многовариантная — пронеслась перед её внутренним взором за долю, за ничтожную долю секунды, быстрее, чем летит выпущенная из лука стрела. На то, чтобы осознать увиденное, времени не было. На то, чтобы обдумать, — тем более. Оставалось только действовать — и Лиара действовала.

Её правая рука, ещё слабая, ещё непослушная, метнулась вперёд, туда, куда, как она знала, через мгновение упадёт кружка. Пальцы сомкнулись на глиняной поверхности именно так, как нужно — снизу, поддерживая, страхуя. Ведана, не заметив этого микродвижения, разжала свои пальцы, и кружка — не выпала, не опрокинулась, а спокойно, устойчиво перешла из одних рук в другие. Ни капли не пролилось. Ни один осколок не упал на пол. Будущее, которое Лиара видела первым — страшное, кровавое, — не случилось, растаяло, исчезло, как утренний туман над рекой, будто его никогда и не было.

— Ну вот, держи, пей на здоровье, — сказала Ведана, не заметив ничего необычного, и, кряхтя и держась за поясницу, побрела обратно к своему столику, где её ждали разложенные в идеальном порядке склянки, ступки и пучки сушёных трав. Она даже не поняла, от какой беды только что её спасла эта странная, зеленоглазая девушка, лежащая на койке. Да и не могла понять — для неё всё прошло как обычно, гладко, без сучка и задоринки.

Лиара же, оставшись одна, долго, минуту или две, смотрела в тёмную, ароматную глубь отвара и пыталась унять дрожь в руках. То, что с ней происходило, выходило далеко за рамки обычного человеческого опыта. Это было не просто обострение чувств, не просто ускорение реакции. Это было нечто гораздо более глубокое, фундаментальное, меняющее саму природу её взаимодействия с миром. Она только что изменила будущее. Своим вмешательством, своей рукой, своей волей она отвела беду, которая, не вмешайся она, непременно случилась бы. Что это было? Дар? Проклятие? Оружие? Ответа она не знала — и не была уверена, что хочет знать.

Она сделала осторожный, маленький глоток отвара — горячая, пряная, чуть горьковатая жидкость обожгла горло и провалилась в желудок, распространяя по телу приятное, успокаивающее тепло, — и откинулась на подушку, закрыв глаза. Нити вероятностей за опущенными веками никуда не исчезли — они всё так же переливались и пульсировали в темноте, но теперь

она хотя бы их не видела в прямом, визуальном смысле. Можно было попытаться отдохнуть, собраться с силами, а потом уже разбираться со всем этим.

Но отдохнуть ей не дали.

Сквозь закрытые веки и толщу деревянных стен она услышала шаги. Тяжёлые, грузные, уверенные — так ходят люди, привыкшие к тому, что их слово — закон, а их приказ должен быть выполнен беспрекословно. Эти шаги приближались к лазарету снаружи, со стороны главной улицы, и по звуку она могла определить не только направление, но и количество идущих, их примерный вес, их настроение. Трое. Один — тяжёлый, массивный, ступает с нажимом на правую ногу (старая рана в бедре, полученная в битве у Волчьего перевала двенадцать зим назад). Это Велимир, глава клана. Двое других — легче, проворнее, идут чуть позади. Стоян и Горислава. Совет старейшин в полном составе снова пожаловал к ней, и на этот раз она была почти уверена, что визит этот не сулит ничего хорошего.

Она не ошиблась. Через полминуты дверь лазарета, скрипнув несмазанными петлями, отворилась, и в палату, пригнув голову, чтобы не задеть притолоку, вошёл Велимир. За ним, как две тени, молча, не произнося ни слова, скользнули Стоян и Горислава. Ведана, пискнув что-то неразборчивое и испуганное, торопливо собрала свои склянки и вышла в соседнюю комнату, плотно прикрыв за собой дверь — старая знахарка была мудра и прекрасно знала, когда следует убраться с глаз долой, а когда можно остаться.

— Ты снова очнулась, — не спросил, а констатировал Велимир, усаживаясь на ту самую табуретку, где только что сидела Ведана. Табуретка жалобно скрипнула под его грузным телом, но выдержала — её делали на совесть, из горного дуба, с расчётом на то, что на ней могут сидеть и раненые воины в полном доспехе. — Мирослава сказала, что ты решила идти на север. Что ж, это твоё право, и я не стану тебя отговаривать. Но решение решением, а подготовка подготовкой. До солнцестояния осталось чуть больше пятидесяти дней, и провести их в постели, попивая травяной отвар, ты не можешь. Твоя новая сила — какой бы она ни была, — требует проверки. Испытания.

— Какого ещё испытания? — насторожилась Лиара, чуть приподнимаясь на локтях.

Вместо ответа Велимир сделал едва заметный, скупой жест рукой, и из-за его спины, из тени, выступил Стоян. В руках у мастера оружия было то, чего Лиара никак не ожидала увидеть, — её собственный лук, тот самый, из ясеневоего ребра, и колчан, полный стрел. Он молча, с каким-то странным, почти ритуальным выражением лица, положил оружие на край койки, рядом с её ногами.

— Ты была лучшей лучницей в клане до того, как это всё случилось, — продолжил Велимир, и его выцветшие глаза, не мигая, буравили её лицо. — Посмотрим, осталась ли ты ею теперь. Посмотрим, что дала тебе эта золотая кровь, кроме горячки и светящихся ран. Встать сможешь?

Лиара посмотрела на лук, потом на старейшин, потом снова на лук. Испытание. Они хотят устроить ей испытание — здесь и сейчас, не дав толком прийти в себя, не дав отдохнуть, не дав осмыслить всё то, что на неё свалилось. Что ж, этого следовало ожидать. В Пограничном клане не принято было давать поблажки — ни женщинам, ни раненым, ни тем, в чьих жилах

течёт легендарная кровь. Здесь выживали только сильнейшие, и если она хотела доказать своё право на жизнь, на защиту, на этот безумный поход на север, она должна была пройти проверку.

— Смогу, — коротко ответила она, отбрасывая одеяло и спуская ноги на пол.

Тело слушалось плохо, мышцы ныли и протестовали против каждого резкого движения, но она заставила себя встать. Медленно, держась за спинку кровати, выпрямилась во весь рост. Голова закружилась, перед глазами на миг потемнело, но она сжала зубы и переждала эту волну слабости. Затем, преодолевая дрожь в коленях, натянула через голову грубую шерстяную тунику, обулась в стоящие у койки сапоги из мягкой оленьей кожи и взяла лук. Пальцы привычно сомкнулись на отполированной рукояти, и это прикосновение — такое знакомое, такое родное, такое правильное — придало ей сил больше, чем все травяные отвары Веданы вместе взятые.

— Идём. Полигон у восточной стены, — бросил Стоян и первым вышел из лазарета, даже не оглянувшись, чтобы проверить, идёт ли она за ним.

Полигон Пограничного клана представлял собой обширную, вытоптанную сотнями ног утрамбованную площадку сразу за частоколом, с восточной, самой защищённой от ветра стороны холма. Здесь, под открытым небом, в любую погоду — в дождь, в снег, в зной и в стужу — тренировались воины и охотники. Вдоль дальней стены, сложенной из дикого камня, тянулся ряд грубо вырезанных из сосновых чурбаков мишеней — от простых, с намалёванными углём кругами, до сложных, движущихся, подвешенных на верёвках и противовесах. Чуть поодаль, под навесом, были свалены чучела для отработки ближнего боя, а ещё дальше, на самом краю обрыва, стоял древний, замшелый, почерневший от дождей помост для метания ножей — им, по слухам, не пользовались уже лет пятьдесят.

Когда Лиара, в сопровождении троих старейшин и неизвестно откуда взявшегося Ратмира (он, судя по запыхавшемуся виду, прибежал, едва слышав о том, что её повели на полигон), вышла на площадку, там уже собралась небольшая, но внушительная толпа. Весть о том, что «золотую девчонку» будут испытывать, разнеслась по поселению быстрее лесного пожара, и теперь у частокола толпились десятки людей — мужчины, женщины, старики, дети. Они стояли молча, плотной стеной, и смотрели на неё — кто со страхом, кто с любопытством, кто с плохо скрываемой враждебностью. Лиара заметила и отца — он стоял в стороне от всех, у самой кузницы, сложив руки на груди, и лицо его было серым и замкнутым, как склеп.

— Начнём с простого, — сказал Стоян, выводя её в центр площадки. — Видишь те мишени? Пять чучел, разной дальности. Ближнее — двадцать шагов, дальнее — восемьдесят. Пять стрел — пять попаданий. Сделаешь — перейдём к следующему этапу.

Лиара кивнула, становясь на огневую позицию. Простое задание. То, что она делала сотни, тысячи раз, начиная с того самого дня, когда впервые взяла в руки детский лук. Двадцать шагов — это смешно, это расстояние, с которого она в десять лет без промаха била белке в глаз. Восемьдесят — сложнее, но всё ещё в пределах её обычных возможностей. Она натянула тетиву, проверяя натяжение, выбрала первую стрелу из колчана, приладила её к тетиве, подняла лук...

И замерла.

Потому что в тот самый момент, когда она поймала в прорезь прицела первое, ближайшее чучело, она увидела будущее. Траекторию полёта стрелы — ещё до того, как выпустила её. Она видела, как стрела срывается с тетивы, как летит, чуть подрагивая оперением в потоках воздуха, как вонзается в мишень — но не в центр, не в «яблочко», а на два пальца выше, в самый край намалёванного круга. Проммах? Нет, не промах, но и не точное попадание. Почему? Она перевела взгляд и увидела то, чего не замечала раньше: нить вероятности, тянущаяся от цели вверх и вправо, искривлялась под воздействием едва заметного, микроскопического, но всё же ощутимого ветерка, который завихрялся у каменной стены и менял траекторию на последних метрах.

Не думая, на одних инстинктах, она чуть-чуть, на волосок, сместила прицел вниз и влево, делая поправку на этот невидимый ветер, — и выстрелила. Стрела пропела свою короткую песню и вонзилась точно в центр мишени. Идеальное попадание. Стоян, стоявший у неё за спиной, одобительно хмыкнул, но ничего не сказал.

Вторая мишень — сорок шагов, качающееся на ветру чучело. Лиара увидела будущее ещё до выстрела: стрела попадёт в плечо манекена, если она выстрелит прямо сейчас, потому что через секунду чучело качнётся влево. Она подождала ровно одно биение сердца, выждала, пока манекен качнётся обратно вправо, — и выстрелила. Стрела вошла точно в голову, туда, где у живого человека находилась бы переносица. Толпа за спиной зашептала — такого мастерства от неё не ожидал никто.

Третья, четвёртая, пятая — все стрелы легли одна к одной, с хирургической, нечеловеческой точностью. Она не просто стреляла — она знала, куда попадёт каждая из них, ещё до того, как отпускала тетиву. Она видела будущее каждой стрелы — и корректировала, подправляла, исправляла его на лету, делая то, что раньше казалось ей самой невозможным.

— Неплохо, — процедил Стоян, но в его голосе Лиара уловила нотки недовольства, смешанного с удивлением. Он явно рассчитывал, что она провалится или, по крайней мере, покажет результат хуже обычного. — Но это была статика. В бою мишени не стоят на месте. Переходим ко второму этапу.

Он махнул рукой, и из-за стены вышли двое молодых парней-охотников, держа в руках большие плетёные корзины. По команде Стояна они разом открыли их и вытряхнули содержимое на землю. Из корзин в воздух взвилась целая туча — не меньше трёх десятков — глиняных шариков размером с крупное яблоко, раскрашенных в яркие, кричащие цвета. Это были не простые шарики — они были начинены краской и мелом, и, падая на землю или ударяясь о мишень, разлетались облаком белой пыли.

— Тридцать мишеней, — объявил Стоян, и в его голосе прозвучало откровенное злорадование. — Они будут падать сверху, с разной скоростью и по разным траекториям. У тебя — пятнадцать стрел. Собыёшь десять — зачёт. Меньше — провал.

Лиара вскинула лук, и в тот же миг мир вокруг неё изменился — так резко и так радикально, что у неё на мгновение перехватило дыхание.

Она увидела всё. Все тридцать шариков одновременно — каждый как отдельную, чётко очерченную цель, со своей собственной траекторией, скоростью, временем падения. Она увидела, как каждый из них будет падать — не в общем, не приблизительно, а с абсолютной, математической точностью. Вот этот, синий, упадёт первым, через полторы секунды, вот здесь, прямо перед ней. Этот, красный, — через две секунды, но левее, на пять локтей. Этот, жёлтый, — через две с половиной, у самой стены. Её разум, её новое, обострившееся до невероятных пределов восприятие мгновенно просчитало всю эту сложнейшую, хаотическую картину падения, превратив её в стройную, упорядоченную, кристально ясную последовательность целей. Она знала, в каком порядке нужно стрелять, чтобы успеть сбить максимальное количество. Знала, в какой момент натягивать тетиву, на сколько смещать прицел, как долго ждать.

И она начала стрелять.

Первая стрела — синий шарик разлетелся вдребезги, не долетев до земли. Вторая — красный. Третья — жёлтый. Четвёртая, пятая, шестая — она выпускала стрелы одну за другой, с невероятной, нечеловеческой скоростью, практически не целясь в обычном понимании этого слова. Она не целилась — она знала. Знала, куда полетит стрела, знала, куда полетит мишень, знала точку их пересечения в пространстве и времени. Её руки двигались сами, как хорошо отлаженный механизм, — выхватить стрелу из колчана, наложить на тетиву, оттянуть, отпустить. Движения слились в один непрерывный, заворачивающий танец.

Толпа ахнула. Никто — даже сам Велимир, повидавший на своём веку сотни битв и тысячи лучников, — никогда не видел ничего подобного. Пятнадцать стрел — и пятнадцать попаданий, одно за другим, без единого промаха. Тридцать шариков упало на землю и разбилось, но пятнадцать из них были сбиты в воздухе, превращены в облака цветной пыли ещё до того, как коснулись земли. Половина всех мишеней — результат, который в обычных условиях считался бы невозможным даже для самого опытного, самого одарённого стрелка.

— Этого не может быть, — прошептал кто-то в толпе, и этот шёпот, полный священного ужаса, был ясно слышен в наступившей мёртвой тишине.

— Может, — тихо ответила Лиара, опуская лук. Руки её дрожали от напряжения, сердце колотилось где-то в горле, а перед глазами всё ещё плясали серебристые нити вероятностей, показывая, как могли бы упасть несбитые шарiki, если бы она промахнулась. — Ещё как может.

Стоян молчал. Его лицо, обычно выражавшее лишь скепсис и холодное неодобрение, сейчас было бледным, а губы плотно сжаты в тонкую, почти невидимую линию. Он переглянулся с Велимиром, и этот быстрый, тревожный взгляд не укрылся от Лиары. Старейшины были напуганы — напуганы не её провалом, а её успехом. Слишком большим, слишком неестественным, слишком нечеловеческим успехом.

— Достаточно, — тяжело, словно каждое слово давалось ему с трудом, произнёс Велимир. — Третий этап... отменяется. Мы увидели достаточно. Более чем.

— Что? — возмутилась Горислава, выступая вперёд. — Но, Велимир, испытание не закончено! Ты сам говорил, что нужно проверить её в ближнем бою, посмотреть, как она держит удар, как...

— Я сказал — достаточно! — рявкнул Велимир так, что толпа подалась назад. — Ты что, не видела? Не поняла? Она видит то, чего не видим мы! Она знает, куда упадёт шарик, ещё до того, как он начинает падать! Это не просто золотая кровь, Горислава, не просто обострённые чувства. Это — предвидение! Древний, забытый дар Золотого народа, которым, согласно летописям, владели только величайшие из их воинов.

Он повернулся к Лиаре и долго, изучающе смотрел на неё — не как на девушку, которую знал с пелёнок, а как на нечто совершенно новое, незнакомое, возможно, опасное.

— Твоя сила пробудилась полностью, — сказал он наконец. — И она сильнее, чем мы предполагали. Намного сильнее. Но сила без контроля — это катастрофа. Ты можешь видеть ближайшее будущее — то, что случится через секунду, через две. Но этого недостаточно, чтобы выжить там, куда ты собралась. Ты должна научиться видеть дальше. Глубже. Яснее. И у тебя есть меньше пятидесяти дней, чтобы это сделать.

— Я знаю, — ответила Лиара, и её голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Я чувствую, что могу видеть дальше — просто пока не умею. Эта сила, она как новая мышца, которую я никогда раньше не использовала. Она болит. Она ноет. Она устаёт. Но если её тренировать...

— Именно, — перебил её Велимир. — Тренировать. С завтрашнего дня ты поступаешь в полное распоряжение Мирославы. Она знает старые легенды о Золотом народе, она читала «Книгу Пепла», она, возможно, единственная, кто может помочь тебе обуздать эту силу и подготовиться к тому, что ждёт тебя на севере. Ты будешь заниматься с ней каждый день, от рассвета до заката. Никакой охоты, никаких дозоров, никаких других обязанностей. Твоя единственная задача теперь — учиться.

Он помолчал, потом шагнул ближе и положил свою тяжёлую, мозолистую ладонь ей на плечо. Этот жест — почти отеческий — был настолько неожиданным и нехарактерным для всегда сурового и замкнутого вождя, что Лиара вздрогнула.

— Ты — наш единственный шанс, девочка, — произнёс он тихо, так, чтобы слышала только она. — Единственный за тысячу лет. Я не знаю, почему судьба выбрала именно тебя и почему именно сейчас. Но я знаю одно: если ты не справишься — не справится никто. Запомни это.

Он убрал руку, повернулся и, не прощаясь, тяжело зашагал обратно к поселению. За ним, подобрав полы одежды, засеменила Горислава. Стоя на мгновение задержался, бросил на Лиару долгий, непроницаемый взгляд, в котором смешались страх, уважение и что-то ещё, чему она не могла подобрать названия, — и тоже ушёл, оставив её одну посреди опустевшего полигона.

Точнее, почти одну.

— Ну, подруга, — раздался сбоку знакомый, полный восхищения голос. — Ты это... это просто нечто. Я думал, у меня челюсть отвиснет и укатится в канаву, пока ты эти шарики сшибала.

Ратмир подошёл, широко улыбаясь, но в его глазах, обычно искрящихся весельем, Лиара заметила лёгкую тень тревоги. Он смотрел на неё — на её всё ещё бледное после болезни лицо,

на дрожащие от перенапряжения руки, на лук, который она прижимала к груди как самую дорогую вещь в мире, — и пытался понять, кто перед ним: прежняя Лиара, его друг и напарница, или кто-то новый, незнакомый, изменившийся до неузнаваемости.

— Я сама не поняла, как это сделала, — призналась Лиара, и это была чистая правда. — Оно просто... происходит. Я смотрю на что-то — и вижу, что с этим будет через секунду. Или через две. Или через пять. Будто кто-то показывает мне картинку в голове, такую яркую, что не отличить от реальности.

— И как, помогает?

— Не знаю, — она пожала плечами и впервые за всё это долгое, бесконечное утро улыбнулась — слабо, устало, но искренне. — Пока только утомляет. Голова гудит, как после доброй кружки медовухи. Но... да, наверное, помогает.

— Тогда ладно, — Ратмир хлопнул её по спине — не сильно, но достаточно, чтобы она покачнулась. — Раз помогает — значит, будем учиться. А я, так уж и быть, составлю тебе компанию. Нельзя же доверять старухе Мирославе всё веселье.

Лиара ничего не ответила. Просто стояла и смотрела, как лучи заходящего солнца золотят вершины Ярого Хребта, как длинные тени от частокола наползают на полигон, как где-то в вышине, над горами, кружит одинокий орёл. Где-то там, на севере, за этими горами, за ледяными полями и Мёртвыми болотами, ждала её судьба. Древняя тьма, запертая тысячу лет назад. Колыбель Света, где, возможно, ещё жили такие, как она. Ответы на вопросы, которые она даже не знала, как задать.

Но пока — пока у неё была только эта площадка, этот лук, эта новая, пугающая сила, пульсирующая в венах, и меньше пятидесяти дней, чтобы научиться всем этим пользоваться.

Она вскинула лук, прицелилась в воображаемую цель где-то далеко за частоколом — и улыбнулась, увидев будущее своей ещё не выпущенной стрелы. Завтрашний день обещал быть долгим.

Глава 3. Танец клинков

Утро следующего дня выдалось хмурым, промозглым и ветреным — таким, какие часто случаются в предгорьях Ярого Хребта в самом конце месяца Травника, когда весна ещё борется с зимой за каждый клочок оттаявшей земли, а небо, затянутое низкими, тяжёлыми, свинцово-серыми облаками, висит над самой головой, давит на плечи и обещает дождь со снегом. Порывистый, злой северный ветер гнал по вытоптанной улице прошлогоднюю листву, мелкий сор и обрывки соломы с крыш, завывал в печных трубах и хлопал незапертыми ставнями, будто сама природа решила устроить генеральную репетицию перед тем, что должно было произойти на полигоне.

Лиара проснулась задолго до рассвета, хотя, если быть до конца честной, она почти не спала — лишь забывалась ненадолго коротким, тревожным, лишённым сновидений забытём, от которого просыпалась ещё более уставшей, чем ложилась. Новые чувства, новая сила, новое восприятие мира не желали отключаться даже во сне — они продолжали работать, продолжали пульсировать где-то на границе сознания, показывая ей обрывки возможного будущего, обрывки вероятностей, обрывки того, что могло случиться с ней и с теми, кто её окружал. За эту бесконечную ночь она увидела двенадцать вариантов того, как Ведана споткнётся о порог лазарета (старуха так и не споткнулась — Лиара удержала её за локоть в решающий момент), семь вариантов падения догорающего полена из печи на пол (она успела пододвинуть железную заслонку до того, как это случилось), и тридцать четыре варианта того, как крыса, забравшаяся в подпол, украдёт остатки вчерашней каши (крыса всё же украла — этот вариант будущего Лиара сознательно решила не менять, потому что крыса была тощей, голодной и, кажется, кормящей, и каша всё равно пропала бы к утру).

Но главное, что не давало ей уснуть, — это ожидание испытания. Того самого, третьего этапа, который Велимир отменил вчера, но о котором, она была совершенно уверена, он не забыл и не передумал. Старейшина ясно дал понять, что её силы должны быть проверены до конца, до самого предела, до той черты, за которой начинается либо провал, либо победа. И если стрельба по неподвижным мишеням и даже по летящим шарикам была лишь разминкой, лишь прелюдией к основному действию, то можно было не сомневаться: сегодня её ждёт что-то гораздо более серьёзное.

Предчувствие её не обмануло.

Она только-только успела натянуть через голову свою выдавшую виды кожаную безрукавку, усиленную нашитыми железными пластинами — стандартную броню пограничного охотника, не слишком тяжёлую, чтобы сковывать движения, но достаточно прочную, чтобы выдержать удар когтей или клыков, — и затянуть ремни на запястьях, как в дверь лазарета громко, требовательно постучали. Стук был знакомый — три размеренных, тяжёлых удара, один за другим, без малейшей паузы. Так стучал только один человек во всём поселении.

— Вставай, наследница, — раздался из-за двери сухой, как треск сучьев, голос Стояна. — Совет ждёт. И не забудь захватить свой лук — хотя, подозреваю, сегодня он тебе не понадобится.

Лиара сглотнула тугой, неприятный ком, мгновенно подкативший к горлу, и вышла наружу, в серый, неуютный рассвет. Её действительно ждали — но не так, как она ожидала. На этот раз никакой толпы у частокола не было. Не было любопытных зевак, не было испуганных женщин, не было хмурых охотников, пришедших поглазеть на чудо-девушку с золотой кровью. Полигон был пуст, если не считать пяти фигур, застывших у каменной стены в дальнем его конце, там, где обычно тренировались мечники. Пять фигур — и в их позах, в их молчании, в самом воздухе вокруг них чувствовалось что-то зловещее, что-то окончательное, что-то, не предвещавшее ничего хорошего.

Первым, кого она узнала, был, разумеется, Велимир. Он стоял в центре, как и подобало вождю, — грузный, неподвижный, как скала, с неизменным посохом из чёрного дуба в одной руке и с Северным Когтем, висящим на поясе, — и смотрел на неё всё тем же тяжёлым, изучающим, ничего не выражающим взглядом. Рядом с ним, чуть позади, как две бессменные тени, замерли Горислава и Мирослава — последняя выглядела ещё более усталой и осунувшейся, чем накануне, и куталась в свою бесформенную серую шаль, несмотря на относительно тёплое утро. Чуть поодаль, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к стене, стоял Стоян — мастер оружия, чьё лицо сегодня было особенно мрачным и сосредоточенным. И с ним, плечом к плечу, выстроившись в ряд, как три мрачных изваяния, стояли ещё трое.

Этих троих Лиара знала с детства. И от этого знания внутри у неё всё похолодело и сжалось в тугую, болезненный комок.

Первый — Добрыня по прозвищу Медведь, старший среди мечников клана, огромный, кряжистый мужчина лет сорока с лишним, с широченными плечами, бугрившимися мышцами под кожаной бронёй, и руками, похожими на две кувалды. Его лицо, изрезанное глубокими шрамами — следами бесчисленных схваток с нечистью, — было спокойным и даже, как ей показалось, чуть печальным. В руках он держал свой знаменитый двуручный меч — «Скало-руб», клинок такой длины и тяжести, что обычный человек не смог бы его даже поднять, не то что сражаться.

Второй — Ждан по прозвищу Куница, полная противоположность Добрыне: невысокий, худощавый, вертлявый, как угорь, с быстрыми, нервными движениями и вечно бегающими по сторонам глазами навывкате. Он был лучшим фехтовальщиком во всём Северном пределе, и его излюбленным оружием были два длинных, узких, похожих на жала ос кинжала, которыми он мог фехтовать одновременно, с одинаковой ловкостью и точностью.

Третий — и вот это уже было совсем худо — Ратмир. Её Ратмир. Её друг, её напарник, её верный Волчонок, ещё вчера вечером клявшийся, что пойдёт с ней на край света. Сейчас он стоял в одном ряду с двумя лучшими мечниками клана, и в руках у него был его верный меч — простой, без изысков, но выкованный из отличной стали клинок, которым он владел едва ли не лучше, чем она — своим луком. Лицо у него было бледное, напряжённое, и он старательно избегал встречаться с ней взглядом, глядя куда-то в землю, себе под ноги.

— Что это значит? — спросила Лиара, и голос её, вопреки внутренней дрожи, прозвучал ровно и холодно. Она остановилась в десяти шагах от старейшин, не доходя до них, и стояла, выпрямившись, сжимая в одной руке лук, а другую держа на поясе, рядом с ритуальным ножом.

— Третье испытание, — ответил Велимир, и голос его разнёсся по пустому полигону, заглушая даже завывания ветра. — То самое, которое я отменил вчера. Я долго думал, Лиара.

Всю ночь не спал, советовался со старейшинами, взвешивал все «за» и «против». И решил: дар предвидения в бою на расстоянии — это хорошо, это полезно, это может спасти тебя от стрелы или копья. Но север, куда ты собралась, — это не тир и не стрельбище. Там тебе придётся сражаться в ближнем бою. Лицом к лицу. Клинок против клинка, коготь против кожи, клык против горла. И если твой новый дар не поможет тебе в такой схватке — ты погибнешь в первой же стычке, даже не добравшись до Колыбели Света.

— Я лучница, — медленно, стараясь, чтобы голос не дрожал, произнесла Лиара. — А не мечница. Ты сам это знаешь, Велимир. Меня никто и никогда не учил сражаться в ближнем бою, потому что моим оружием всегда был лук.

— Знаю, — кивнул он. — Но это было раньше. До того, как твоя кровь проснулась. До того, как ты начала видеть будущее. Теперь ты — не просто лучница. Ты — нечто большее. И мы должны узнать, насколько большее. — Он сделал паузу, во время которой ветер особенно сильно рванул его плащ из волчьей шкуры, и добавил: — Твои противники — трое лучших воинов клана. Твоё оружие — всё, что ты сможешь найти на полигоне. Твоя задача — продержаться. Не победить — это было бы невозможно даже для опытного мечника, — а просто продержаться как можно дольше. Уклоняться, уворачиваться, защищаться — делать всё, что угодно, лишь бы остаться в живых.

— И сколько я должна продержаться? — спросила Лиара, и внутри неё медленно, как ледяная вода, поднимающаяся из-под земли, разливался холодный, липкий страх.

— Сколько сможешь, — ответил за Велимира Стоян, и в его голосе прозвучала откровенная, ничем не прикрытая угроза. — Минуту, две, десять секунд — решать не нам, а тебе. Бой будет учебным, клинки — затуплены, но это не значит, что ты не получишь травм. Синяки, ушибы, возможно, переломы — всё это будет. Ты готова к этому?

Лиара перевела взгляд на Ратмира. Тот наконец поднял глаза и посмотрел на неё — прямо, без улыбки, без привычного озорного огонька в зрачках. И в этом взгляде она прочитала то, что он не мог или не хотел сказать вслух: «Прости. Меня заставили. У меня не было выбора. Но я постараюсь не причинить тебе вреда».

Она коротко, едва заметно кивнула ему — мол, понимаю, не виню, — и повернулась к Велимиру.

— Я готова, — сказала она, хотя всё внутри неё кричало об обратном. — Что мне нужно делать?

— Для начала — отдать лук, — ответил Велимир. — И меч. И нож. Ты войдёшь в круг безоружной, и только там, на полигоне, сможешь подобрать что-нибудь для защиты. Таковы правила.

Лиара медленно, очень медленно, будто прощаясь с лучшим другом, положила лук на землю. Затем, повинаясь новому жесту Велимира, отстегнула от пояса ритуальный нож — материнский нож, единственную вещь, связывавшую её с прошлым, — и аккуратно опустила его поверх лука. Последним она сняла небольшой охотничий меч, который носила скорее для статуса, чем для реального боя, — обычный, ничем не примечательный клинок в простых кожаных ножнах. Теперь она стояла безоружная, незащищённая, открытая всем ветрам и

трём парам глаз, смотревших на неё с разными выражениями — от холодного любопытства до искреннего сочувствия.

— В круг, — скомандовал Стоян и указал рукой на площадку.

Полигон для ближнего боя представлял собой ровный, тщательно утоптаный, посыпанный для мягкости песком и опилками квадрат со стороной примерно в двадцать шагов. По периметру он был очерчен грубо вытесанными из камня столбиками, соединёнными толстой пеньковой верёвкой, — примитивная, но вполне функциональная арена, на которой поколения пограничных воинов оттачивали своё мастерство. Внутри круга, прямо на песке, были разбросаны предметы, которые могли послужить оружием или средством защиты: несколько деревянных учебных мечей разной длины и тяжести, пара небольших круглых щитов, обтянутых вытертой бычьей кожей, один мятый и ржавый железный щит, древко сломанного копья, обрывок цепи, моток верёвки и даже пустое ведро, забытое кем-то после вчерашней тренировки.

Лиара перешагнула через верёвку и вошла в круг. Песок под ногами был холодным и влажным от ночной росы, он проминался под подошвами сапог, и это странное, такое обыденное ощущение вдруг показалось ей невероятно, пронзительно реальным — якорем, удерживающим её в настоящем моменте, не дающим окончательно провалиться в панику, которая уже подступала к горлу.

Через несколько секунд в круг вошли и её противники. Добрыня — Медведь — занял позицию прямо напротив неё, в десяти шагах, и одним плавным, текучим движением, совершенно неестественным для его массивного телосложения, поднял свой огромный двуручный меч, держа его перед собой обеими руками. Ждан — Куница — скользнул влево, к самому краю круга, и там замер в низкой, пружинистой стойке, выставив перед собой оба кинжала, поблёскивавших даже в тусклом утреннем свете. Ратмир, явно нехотя, занял правый фланг и тоже обнажил меч — простой, без украшений, но острый и опасный, как бритва.

Трое против одного. Трое опытных, закалённых в десятках схваток воинов против одной девушки, которая за всю свою жизнь держала меч, может быть, раз десять. Это было даже не испытание — это было заранее спланированное, срежиссированное избиение. И все — все, включая старейшин и, кажется, саму Лиару, — прекрасно это понимали.

— Начали! — прозвучал резкий, как удар кнута, голос Стояна, и время для размышлений закончилось.

Первым, как она и ожидала, атаковал Ждан. Куница всегда полагался на скорость и внезапность — он не раздумывал, не оценивал, не колебался. Он просто бросился вперёд, стремительный и бесшумный, как его тёзка-зверёк, и его правый кинжал описал в воздухе короткую, смертоносную дугу, целясь ей в левое плечо — не в горло, не в сердце, учебный бой всё же, но достаточно неприятно, чтобы вывести из строя.

И вот тут произошло то, чего Лиара сама от себя не ожидала.

Её разум, её сознание, её рациональное «я» замерло, оцепенело, парализованное страхом и неожиданностью. Оно кричало что-то неразборчивое, пыталось придумать план действий, просчитать возможные варианты, найти оптимальное решение — и не находило ничего, кроме липкой, вязкой, всепоглощающей паники. Но тело — её тело, её мышцы, её инстинкты, уси-

ленные и преображённые проснувшейся кровью Золотого народа, — среагировало само. Без приказа. Без размышления. Без участия сознания.

Она увидела — нет, не увидела, а почувствовала, ощутила всей поверхностью кожи, каждой клеточкой своего существа — опасность, исходящую от приближающегося клинка. Это было похоже на внезапный порыв ледяного ветра, ударивший в левое плечо, — но ветер этот дул не снаружи, а изнутри, из самой глубины её костей, предупреждая о смертельной угрозе. В то же самое мгновение, наложившись на это ощущение, перед её внутренним взором вспыхнула яркая, чёткая, как гравюра, картинка: кинжал Ждана, входящий в её плечо, разрывающий кожаную безрукавку, вспарывающий кожу, достающий до ключицы. Она увидела будущее — то будущее, которое случится с ней через долю секунды, — и её тело, опережая мысль, ушло из-под удара.

Она не уклонилась в привычном смысле этого слова — не присела, не отпрыгнула, не сделала шаг в сторону. Она просто... перестала быть там, куда был направлен удар. Её тело изогнулось, как у кошки, — спина прогнулась, плечи развернулись, бёдра сместились, — и остриё кинжала прошло в волоске, в каком-то жалком дюйме от её плеча, не задев ни кожи, ни одежды. Ждан, не ожидавший такого манёвра и вложивший в удар всю свою инерцию, по инерции же пролетел мимо, едва не потеряв равновесие, и вынужден был сделать несколько быстрых, семенящих шагов, чтобы не упасть.

— Что за... — начал он, оборачиваясь, но договорить не успел.

Потому что в ту же секунду, почти без паузы, в атаку пошёл Добрыня. Медведь, в отличие от Куницы, не полагался на скорость — его тактикой была грубая, сокрушительная, неостановимая мощь. Он шагнул вперёд, и земля, казалось, дрогнула под его тяжестью, а его «Скалоруб», описав в воздухе широкую, свистящую дугу, обрушился на Лиару сверху вниз — удар, способный раскроить череп даже в шлеме, не то что незащищённую голову.

И снова — это странное, ни на что не похожее чувство. Холодок опасности — на этот раз на макушке, словно кто-то приложил кусочек льда к темени. Картинка в голове — меч, раскалывающий череп, как гнилой орех. И тело, действующее само, без участия разума, — тело, которое плавно, почти лениво, одним текучим движением сместилось вправо и чуть назад, уходя с линии атаки. «Скалоруб» рассёк воздух в том месте, где мгновение назад была её голова, и с глухим, утробным звуком вонзился в песок, подняв фонтан мелких опилок и пыли. Добрыня, как и Ждан до него, на миг потерял равновесие — удар был слишком силён, вложено в него было слишком много веса, и остановить инерцию такого массивного клинка было почти невозможно.

Но третьим — и самым опасным, потому что самым неожиданным — оказался Ратмир. В отличие от двух старших товарищей, он не стал атаковать сразу, не бросился в бой очертя голову. Он выждал момент, когда она уклонялась от Добрыни, когда её внимание — и её дар — были сосредоточены на отражении двух одновременных угроз, и только тогда нанёс удар. Быстрый, точный, хлёсткий — никаких широких замахов, никакой лишней театральности, только сухая, эффективная техника пограничного мечника, нацеленная в солнечное сплетение. Удар, который она, по всем правилам, никак не могла заметить и отразить.

Но она его заметила. Вернее, почувствовала. На этот раз холодок опасности пришёл в область живота, чуть ниже груди, — резкий, колющий, как укол ледяной иглы. И картинка

— меч Ратмира, входящий ей под рёбра, пробивающий безрукавку, ломающий рёбра, достающий до лёгкого. И тело — её удивительное, невероятное, послушное тело, которое, казалось, теперь жило своей собственной жизнью, — выгнулось назад, отклоняясь от клинка в каком-то немыслимом, почти акробатическом прогибе. Остриё меча скользнуло по её животу, срезав лишь несколько ниток с безрукавки, но не задев ни плоти, ни даже одежды.

Ратмир отшатнулся, широко раскрыв глаза. В его взгляде читалось искреннее, непридуманное изумление, смешанное с чем-то похожим на благоговейный ужас. Он только что нанёс свой лучший, самый быстрый, самый коварный удар — тот самый, которым он в учебных боях побеждал даже Добрыню, — и она ушла от него. Ушла играючи, даже не глядя в его сторону, даже не открывая глаз — потому что в какой-то момент, она сама не заметила, когда именно, она зажмурилась. Реальность, которую показывали её новые чувства, была настолько яркой, настолько полной, настолько исчерпывающей, что обычное зрение только мешало, сбивало с толку, добавляло лишнюю, ненужную информацию, которую мозг не успевал обработать.

— Она... она дерётся с закрытыми глазами, — прошептала Горислава где-то за пределами круга, и в её голосе Лиара впервые услышала не неодобрение и не страх, а самое настоящее, искреннее изумление. — Как это возможно? Как она это делает?

— Предвидение, — тихо, почти благоговейно ответила Мирослава. — Истинное, полное предвидение, а не то жалкое подобие, что было у неё вчера. Она чувствует опасность до того, как удар нанесён. Она знает, куда он придёт, за долю секунды до того, как меч начинает двигаться. Её тело реагирует на угрозу быстрее, чем разум успевает её осознать. Это... это невероятно. Я читала о таком в «Книге Пепла», но никогда не думала, что увижу воочию. Этим даром владел только сам Аэлларион, последний Владыка Золотого народа.

Лиара слышала их разговор краем сознания, но не отвлекалась — не могла отвлекаться, потому что все трое противников, оправившись от первого потрясения, перешли к скоординированной, командной атаке. Теперь они действовали не поодиночке, а вместе — так, как привыкли сражаться против нечисти, когда одно неверное движение могло стоить жизни всему отряду. Добрыня, гудя как встревоженный улей, наседал спереди, нанося мощные, размашистые удары, от которых, казалось, дрожал воздух. Ждан, вертлявый и невидимый, кружил слева, выискивая малейшую брешь в её защите и нанося быстрые, как укусы змеи, уколы кинжалами. А Ратмир, сцепив зубы и, видимо, решив, что дружба дружбой, а приказ есть приказ, атаковал справа, пытаясь загнать её в угол, лишит пространства для манёвра, заставить ошибиться.

И начался танец.

Танец, который никто из присутствующих — ни старейшины, ни целительница Ведана, выбежавшая из лазарета на шум, ни сам Ратмир, ни тем более Добрыня и Ждан — никогда не видели раньше и не могли даже вообразить. Лиара двигалась внутри круга, атакуемая с трёх сторон, и её движения были... нечеловеческими. Не в том смысле, что они были уродливыми или пугающими, — наоборот, они были прекрасными, завораживающими, гипнотическими, как движения храмовых танцовщиц, о которых рассказывали заезжие купцы. Но в этих движениях не было ничего человеческого — ни колебаний, ни сомнений, ни пауз на размышление, ни исправлений ошибок. Она не уклонялась — она текла. Перетекала из одного положения в другое, как вода перетекает через камни, всегда находя единственно возможный, идеальный путь, всегда оказываясь именно там, где её не доставал ни один клинок.

Меч Добрыни описывал смертоносный горизонтальный полукруг на уровне её шеи — она приседала, пропуская его над головой, и распрямлялась, как сжатая пружина, когда он уже уходил в сторону. Кинжалы Ждана одновременно вонзались в пространство, где только что были её почки, — она доворачивала корпус на какой-то неуловимый угол, и оба клинка проходили мимо, скользнув по воздуху в дюйме от её спины. Меч Ратмира нырнул вниз, целясь в бедро, — она поднимала ногу, пропуская удар под собой, и ставила её обратно ровно в тот момент, когда клинок уже заканчивал движение.

Это было невозможно. Это противоречило всем законам физики, всем правилам боя, всему, чему учили в Пограничном клане и во всём остальном мире. Она не видела своих противников — её глаза оставались закрытыми, лицо было спокойным, почти безмятежным, как у человека, который спит и видит приятный сон. Но она знала — нет, не просто знала, а чувствовала, ощущала всем своим существом, — где окажется каждый клинок в следующий миг. Холодок опасности, вспыхивающий то тут, то там, предупреждал её о каждой атаке за долю секунды до её начала, и тело, больше не связанное медлительными, сомневающимися, вечно ошибающимися командами мозга, реагировало мгновенно, безупречно, автоматически.

Пять секунд. Десять. Двадцать. Тридцать.

Воины Пограничного клана, трое лучших мечников Северного предела, не могли нанести ей ни одного удара. Ни одного касания, ни одной царапины, ни одного синяка. Их клинки рассекали пустой воздух снова и снова, а девушка с закрытыми глазами продолжала свой невероятный, завораживающий танец, ускользая от смерти, как дым ускользает от пальцев.

— Остановитесь, — прозвучал наконец тихий, но полный скрытой силы голос Велимира. — Достаточно. Испытание окончено.

Воины остановились не сразу — им потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать команду и выйти из боевого транса, в который они погрузились, пытаясь достать неуловимую противницу. Добрыня, тяжело дыша, опустил свой «Скалоруб» и опёрся на него, как на посох, — по его лицу градом катился пот, а глаза были широко раскрыты и полны какого-то почти суеверного страха. Ждан, тяжело дыша и держась за бок (видимо, потянул мышцу во время одной из особенно резких атак), отошёл в угол круга и сел прямо на песок, не в силах отвести взгляда от Лиары. Ратмир же просто стоял, опустив меч, и смотрел на неё — на свою подругу детства, на свою напарницу, на девушку, которую он знал двадцать лет, — с таким выражением лица, будто видел её впервые в жизни.

А Лиара наконец открыла глаза.

Мир вернулся к ней — обычный, привычный, не опутанный серебристыми нитями вероятностей и не пронизанный холодными вспышками опасности. Она стояла посреди круга, на том же месте, где и начинала, и на ней не было ни царапины. Только безрукавка была чуть сбита набок да несколько прядок выбились из косы и прилипли к взмокшему лбу. Она тяжело, прерывисто дышала, сердце колотилось где-то в горле, ноги дрожали от перенапряжения — но она выстояла. Победила. Сделала то, что считалось невозможным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.